В. В. ВЕСЕЛИТСКИЙ

АНТИОХ КАНТЕМИР И РАЗВИТИЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО·НАУКА·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Из истории мировой культуры»

В. В. ВЕСЕЛИТСКИЙ

АНТИОХ КАНТЕМИР И РАЗВИТИЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1974

XVIII век в истории русского литературного языка занимает важное место. В этот период интенсивно формируются национальные литературные нормы словоупотребления, происходит становление современного нам словарного состава. Появляются многие слова, обозначающие актуальные понятия общественной жизни, науки, культуры и быта. В книге рассказывается о большой роли, которую сыграл в развитии русского литературного языка один из крупнейших писателей XVIII века Антиох Кантемир.

Рассчитана на широкий круг читателей.

Ответственный редактор

доктор филологических наук

И. С. ИЛЬИНСКАЯ

В $\frac{70101}{042(01)\text{-}74}$ 39-73НП

...Кантемир начал собою историю светской русской литературы.

...[в сатирах Кантемира] столько оригинальности, столько ума и остроумия, такие яркие и верные картины тогдашнего общества, личность автора отражается в них так прекрасно, так человечно, что развернуть изредка старика Кантемира и прочесть которую-нибудь из его сатир есть истинное наслаждение.

В. Г. Белинский

Писатель первой половины XVIII в. Антиох Дмитриевич Кантемир стоял у истоков новой русской литературы и русского национального литературного языка. И в том и в другом направлении ему пришлось идти непроторенными путями. Творческая деятельность Кантемира неразрывно связана с работой по совершенствованию русского литературного языка. Немало употребительных сейчас слов и их значений (*гражданин*, *народ*, *спутник*, *критик*, *характер*, *вкус* и др.) появилось именно в то время. В них отразились взгляды, потребности общества, вместе с тем они показывают направление языковых поисков писателей XVIII в.

Велика роль Кантемира в истории литературного языка. Он делает решительный шаг к обновлению и демократизации старого книжного языка, стремится приблизить письменный язык к разговорному, писать просто. Темы и образы своих произведений, прежде всего сатир, он черпает из современной ему действительности, изображая ее столь остро и непосредственно, что сейчас, как и во времена Белинского, несмотря на некоторую неизбежную устарелость языка и слога, «развернуть» его сочинения по-прежнему поучительно и интересно.

ДИПЛОМАТ — УЧЕНЫЙ — ПИСАТЕЛЬ

Взгляды Кантемира сложились под сильным влиянием преобразований в государственной, общественной и культурной жизни России в петровское время. Да и биография писателя тесно связана с этой эпохой. Кантемир прожил недолгую (менее 35 лет), но яркую и содержательную жизнь, он оставил значительное литературное насле-

дие. Дед писателя Константин Кантемир был известный военачальник, ставший потом правителем («господарем») Молдавии, находившейся под турецким владычеством. Отец — Дмитрий Кантемир (1674—1723) в 1710 г. также занял пост господаря. Стремясь освободить родину от гнета султанов, Дмитрий во время русско-турецкой войны 1711 г. заключил договор с Петром I. Однако русская армия у реки Прут попала тогда в трудное положение и вынуждена была отступить. Вместе с ней ушел Дмитрий Кантемир с семьей и большим числом последователей. В России Кантемир был хорошо встречен, назначен сенатором, Петр I пользовался его советами. В 1722—1723 гг. Кантемир сопровождал царя в Персидский поход и умер на обратном пути из похода. В записной книжке Петра сохранился отзыв: «Оный господарь человек зело разумный и в советах способный».

Отец Антиоха был не только государственным деятелем, но и автором ряда трудов по истории, философии, искусству. Он владел многими языками, являлся членом известной тогда Берлинской академии [1]. Его большое сочинение «Книга систима, или состояние мухаммеданской религии» было напечатано на русском языке (в переводе с латинского И. Ильинского) еще при его жизни (1722), другое — «Историческое, географическое и политическое описание Молдавии» — в издательстве Н. Новикова (1789). Мать писателя Кассандра Кантакузен также отличалась образованностью. Антиох родился 10 сентября 1709 г.[2] в Константинополе, но первые впечатления его связаны с настоящей родиной — Россией.

Родители, особенно отец, уделяли большое внимание воспитанию и образованию детей. Известно, что Дмитрий Кантемир в завещании просил не назначать никого из них наследником, «пока не опробованы будут в науках и в других инструкциях». Уже тогда он выделял Антиоха: «в уме и науках понеже меньшой мой сын от всех лучший». Домашним наставником Кантемира был известный своей ученостью Анастасий Кондоиди, прибывший вместе с Дмитрием Кантемиром и позднее назначенный Петром I на видные должности. Он обучал Антиоха языкам и истории. Большое влияние на будущего писателя оказал

---

[1] *В. Н. Ермуратский*. Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира. Кишинев, 1956.

[2] Эту дату указывает сам писатель в примечании к сатире VII.

другой домашний учитель — Иван Ильинский, в дальнейшем переводчик Академии наук. Сам писавший стихи, Ильинский учил Антиоха силлабике и церковнославянскому языку, прививал ему вкус к литературе. Дружба и переписка Антиоха со своими учителями не прерывалась до конца его жизни [3]. Некоторое время Кантемир учился в московской Славянско-греко-латинской академии («спасских школах» — о них он вспоминает в сатирах), которая давала тогда довольно широкое образование; выпускниками ее были В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский и др.

О юношеских интересах Кантемира свидетельствует обращение его к Петру I (1724), где он указывал на «склонность в себе... снискати науки» и называл древнюю и новую историю, географию, юриспруденцию и «что к стату политическому надлежит», математику и «минятуры» (живопись). После открытия Петербургской академии наук Кантемир был (1726—1727) одним из первых студентов академического университета (Петербургский университет возник позже). Он слушал лекции (на латинском и других языках) видных академиков (профессоров, как их называли) — Д. Бернулли, Ф.-Х. Майера по математике, Г.-Б. Бильфингера по физике, Г.-З. Байера по истории, Хр.-Ф. Гросса по нравоучительной философии.

Последняя дисциплина немало значила для Кантемира, поскольку Гросс излагал передовые и новые для того времени вопросы о гражданских правах, общественном устройстве и т. д. Позднее Кантемир имел переписку еще с одним петербургским академиком — крупнейшим математиком и физиком Л. Эйлером. Не следует удивляться широкому кругу наук, изучавшихся Кантемиром. Энциклопедизм интересов и знаний был обычным среди образованных людей XVIII в. Мы убедимся в этом на примере произведений Кантемира. Но история России XVIII в. знает и других ученых-энциклопедистов — это прежде всего Ломоносов, который был филологом, писателем и ученым-естествоиспытателем. Художественные произведения под пером деятелей XVIII в. сплошь и рядом соседствовали с философскими и научно-публицистическими.

---

[3] В. К. Тредиаковский в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (1755), перечисляя «великороссийских стихотворцев» (С. Полоцкий, К. Истомин, Ф. Поликарпов, Л. Магницкий, И. Ильинский, А. Кантемир), называет Кантемира «учеником» Ильинского.

В доме Кантемиров говорили по-русски, но звучала и иная речь — мать писателя была гречанкой, с Дмитрием Кантемиром приехало немало молдаван, детей учили европейским языкам.

Биографов и исследователей всегда поражал тот факт, как мог Антиох в таком окружении столь органично воспринять русский язык — не только овладеть им, но и запечатлеть в произведениях яркие образцы литературно-книжной и разговорной речи XVIII в. И это несмотря на 12-летнее пребывание писателя за границей на дипломатической работе. Русский язык всегда оставался для писателя родным. Не говоря уже о том, что все его произведения (в том числе научные и философские) написаны на русском языке, об этом же свидетельствует, в частности, его переписка с сестрой. Они обменивались письмами по-новогречески и (в основном для упражнения) по-итальянски, но в трудные минуты и по особенно серьезным вопросам Кантемир обращался к родному для него русскому языку. Вот начало одного из последних его писем (1744): «Будучи я весьма слаб, а наипаче сего дня, не в состоянии много писать, для того ответствую по-русски».

Нельзя забывать, что в решающий период жизни Кантемир находился в гуще русского общества. Раннее детство его прошло под Харьковом. С 1713 г. семья переезжает в Москву, причем отец нередко берет Антиоха в курские и орловские деревни. Уже тогда русский быт, живая, простая речь прочно входили в сознание будущего писателя. Авторы биографий приводят также следующий символический эпизод, относящийся к детству Антиоха. В бытность учеником Славяно-греко-латинской академии (в 1718 или 1719 г.) он выступал там в день Дмитрия Солунского с чтением стихов («Панегирического слова») в присутствии Петра I [4]. Уважение к Петру было в семье Кантемиров неизменным и оставило глубокий след в творчестве Антиоха.

В 1719 г. после второй женитьбы отца (на Настасии Ивановне Трубецкой) семья перебирается в Петербург; с этого времени быт ее, очевидно, меняется, и она ближе соприкасается с «высшим» и чиновным обществом — разные представители его проходят перед глазами Антиоха.

---

[4] Двор и здание академии, где предположительно происходило это событие, сохранились в Москве до сих пор — по ул. 25 Октября, д. 7.

Д. К. КАНТЕМИР
С портрета XVIII в.

Вместе с отцом он совершает Персидский поход, проехав страну с севера на юг (до Астрахани); учеба его не прерывалась и в это время. По обычаю с ранних лет он на военной службе. Но служба ограничивается караулами, и, судя по записям в дневнике Антиоха, он в это время всецело занят чтением книг и литературным трудом.

С 1728 г. Антиох снова в Москве, где проходят следующие четыре года его жизни. Здесь он оказывается в центре важных государственных событий, связанных с восшествием на престол Анны Иоанновны. К этому времени Кантемир известен как автор сатир и других произведений. Он вступает в переписку и знакомится с Феофаном Прокоповичем и «ученой дружиной» — просвещенными деятелями, сторонниками петровских реформ. В конце 1731 г. Кантемир назначается послом в Лондон, а с 1738 г. — в Париж. 1 января 1732 г. он покидает Москву и через Петербург отправляется в «чужестранство», откуда он потом так стремился вырваться.

Назначение 22-летнего Кантемира на пост посла в крупнейшую европейскую державу, конечно, было приз-

нанием его способностей. Однако все исследователи единодушны в том, что отъезд Кантемира следует рассматривать как удаление приобретающего известность деятеля и писателя. Фактически Кантемир остался сравнительно малоимущим. Хотя отец, как мы видели, указывал на Антиоха как наиболее вероятного наследника (по закону им могло быть только одно лицо), все имение досталось его брату Константину, женатому на дочери влиятельного вельможи Д. М. Голицына.

Творческая работа Антиоха Кантемира начинается рано. К первым трудам относится «Синопсис историческая» — хроника византийского историка XII в. К. Манассии, переведенная Кантемиром с латинского на «славенороссийский» в 1725 г. (эта рукопись недавно опубликована); «Симфония на псалтырь» — конкорданция, или алфавитный свод стихов из псалмов, книга напечатана в 1727 г; «Некое итальянское письмо» — перевод с французского, высмеивает нравы дворянско-буржуазных слоев Парижа (1726). Несомненно, интересны не дошедшие до нас оригинальные «любовные» (лирические) стихи молодого Кантемира, они переписывались от руки и пользовались популярностью. Сам Антиох позднее писал, что «сочинил многие песни, которые в России и теперь поются», но по сравнению с сатирами ценил их меньше: «Любовны песни писать, я чаю, Тех дело, коих столько ум не спел, сколько слабо тело» (сатира IV).

В 1729 г. написана первая сатира Кантемира «На хулящих учение», где писатель обрушивается на порок и невежество, царящие среди имущей части общества. Эта сатира принесла Кантемиру известность. На нее откликнулся в стихах Феофан Прокопович: «Не знаю, кто ты, пророче рогатый, Знаю, коликой достоин ты славы», автор «пером смелым» бичует «нелюбящих ученой дружины»[5]. Поддержка Прокоповича много значила для Кантемира,

---

[5] Прокопович обращается к Кантемиру: «пророче рогатый». Первое слово «пророче»— звательная форма от *пророк*; понятия «пророк» и «поэт» издавна связывались. Но почему «рогатый»? Это определение толкуется как «сильный, острый, смелый» (*Г. П. Макогоненко*. Русская литература XVIII в. Л., 1970, стр. 763). Но возможно и другое объяснение (оно высказывалось еще в журнале «Московский наблюдатель», 1836, март, стр. 261—262): сатира как литературный жанр ведет начало от «сатиров» — в античной мифологии спутников бога лесов Пана, которых часто наделяли атрибутами животных, в частности рогами (в сатире у Кантемира выступает такой Сатир).

А. Д. КАНТЕМИР
Гравюра П. Ф. Бореля

придав ему уверенность в своих силах. Кантемир написал, кроме того, сатиры: II—V (1730—1731), VI и IX (1738), VII—VIII (1739). Все они имеют определенную (авторскую) нумерацию. Среди них так называемая девятая была найдена позже и имеет последний порядковый номер, хотя хронологически следует за шестой.

Работу над сатирами Кантемир не оставлял всю жизнь. Уже будучи на дипломатической работе, он не только пишет новые сатиры (VI—IX), но и перерабатывает прежние. Первые пять сатир известны по крайней мере в двух не совпадающих друг с другом редакциях. Последняя (можно считать ее второй основной) редакция относится к 1743 г., когда писатель предпринял последнюю, как и ранее безуспешную, попытку издать сатиры; первый сборник из пяти сатир в первоначальной редакции был составлен еще в 1731 г. Напечатаны сатиры лишь 18 лет спустя после смерти автора, до этого они распространялись в многочисленных списках. Еще в 1755 г. Тредиаковский констатировал, что кантемировы сатиры «письменные только относятся».

Кантемиру принадлежит еще ряд стихотворных произведений. Это неоконченная поэма «Петрида» о последнем

годе жизни Петра I; философские «Песни» (оды) I—IV, здесь автор прославляет разум, «к понятью отверстый», клеймит «суеверие злое»; легкие по слогу переводы с древнегреческого из Анакреонта. Крупнейшим стихотворным переводом Кантемира являются «Письма» (послания, эпистолы) римского поэта Горация. Работа относится к 1742 г.; десять первых посланий напечатаны в год смерти Кантемира, остальные — немного позже.

В истории литературы Кантемир рассматривается почти исключительно как «сатирик». Между тем еще Белинский подчеркивал важность «стихотворных, равно как и прозаических трудов» Кантемира. Современникам не менее известна была прекрасная проза писателя. В 1730 г. подготовлен и десять лет спустя напечатан его перевод (с французского) «Разговоров о множестве миров» известного натуралиста, секретаря Французской академии Б. Фонтенеля [6]. Это популярное сочинение в корне подрывало принятую церковью схему мироздания. К 1742 г. относятся научно-философские «Письма о природе и человеке» (I—XI), текстологическая история которых до конца еще не выяснена. Литературный и исторический интерес представляют дипломатические реляции (донесения) Кантемира [7].

Именно здесь писатель столкнулся с необходимостью дать наименование многим новым входящим в употребление специальным и отвлеченным понятиям. Кантемир пользовался для этой цели разными источниками — существующими русскими словами, создавал новые, вводил в необходимых случаях старославянизмы и заимствования. При этом собственные ресурсы языка стояли у писателя на первом плане. Потребности общественного развития требовали дополнительных средств выражения, и в этом отношении писатель имел дело, по словам Белинского, с языковым материалом еще «необработанным», и поэтому не является преувеличением утверждение, что «честь усилия — найти на русском языке выражение для идей, понятий и предметов совершенно новой сферы... принадлежит прямее всех Кантемиру».

---

[6] *B. Fontenelle.* Entretiens sur la pluralité des mondes (1-е изд., 1686).— Пушкин упоминает его среди авторов, которых читал Онегин: «Прочел творенья Фонтенеля...» («Евгений Онегин», гл. VIII).

[7] *Н. В. Трунев.* Кантемир в истории русского литературного языка. Докт. дисс. Омск, 1950.

Сам писатель так оценивает в предисловии к «Разговорам» смысл своей литературно-языковой деятельности: «Труд мой был не безважен, как всякому можно признать, рассуждая, сколь введение нового дела нелегко. Мы до сих пор недостаточны в книгах философских, потому и в речах, которые требуются к изъяснению тех наук». При этом Кантемир требовал, чтобы новообразования соответствовали природе родного языка: «К тому мне столь больше надежда основана, что те введенные мною новые слова и речения не противятся сродству языка русского» (предисловие к «Письмам Горация»). Писатель чутко улавливал направление развития словарного состава языка. В речи встречались тогда слова очень разные по происхождению и стилистическим свойствам. Одно (специальное) понятие имело, как правило, разные способы наименования, предлагавшиеся теми или иными авторами. Лишь в результате соотношения и отбора этих наименований складывались стабильные нормы словоупотребления,

Здание Кунсткамеры и Академии наук и художеств. Гравюра по рисунку М. И. Махаева из издания 1753 г.

свойственные национальному литературному языку. Большую роль в этом сыграла напряженная и целенаправленная деятельность выдающихся писателей, ученых и общественных деятелей XVIII в., в том числе Кантемира.

Белинский, предпринимая в «Литературной газете» в 1845 г. «очерк русской литературы в лицах», начинает его со статьи о Кантемире [8] — приведенные выше высказывания взяты из нее. Именно со времени Кантемира наша литература окончательно вырывается из пут церковной тематики и риторики, непосредственно обращается к современной социальной действительности, окружающему миру. Эту гражданственность («светскость») Белинский больше всего ценил в Кантемире, указывая, что он «первый на Руси свел поэзию с жизнью»; это был «публицист, пишущий о нравах энергически и остроумно»; его произведения говорят «о живой действительности, исторически существовавшей».

Конечно, Кантемир для своего времени прежде всего просветитель. Но в своих заботах о благе общества, в борьбе с невежеством и пороками он проявлял подлинное бескорыстие и человечность. «По мне,— восклицал Белинский,— нет цены этим неуклюжим стихам умного, честного и доброго Кантемира». Сохранилась характерная надпись 1777 г. к портрету Кантемира, сделанная Г. Р. Державиным: «Старинный слог его достоинств не умалит. Порок! не подходи: сей взор тебя ужалит».

Старые биографы постоянно подчеркивают «кроткий» характер Кантемира, его «добродетельную жизнь», склонность к кабинетным занятиям. В первом его жизнеописании (еще XVIII в.) так и говорится: время «препровождал он по большей части как философ, или, лучше сказать, пустынническим образом». В стихах Кантемира, действительно, не раз высказывается мечта о «тишине», «малом доме» и т. д. Однако это никак не вяжется с биографией писателя, его участием в общественной и государственной жизни, боевым тоном всего творчества. Гуманизм Кантемира был наступательным, а неугасимая тяга к знаниям, созидательной деятельности, действительно, отвращали его от придворной суеты.

---

[8] *В. Г. Белинский.* Портретная галерея русских писателей. Кантемир.— *В. Г. Белинский.* Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1955.

Здание Земского приказа, где в 1755 — 1785 гг. помещался Московский университет

Среди произведений Кантемира немало переводных. Литература XVIII в. вообще изобилует такими «переводами», они составляют в это время своего рода жанр, форму творчества. При большой точности перевода, оригинал служил часто лишь материалом для его самостоятельного языкового изложения. Особенно часты в XVIII в. переводы сочинений научного и учебного содержания. Под пером лучших писателей и ученых переводные тексты приобретали все качества, позволяющие отнести их к образцовым памятникам русского литературного языка своего времени. Вопрос об авторстве применительно к

переводам стоит остро на всем протяжении XVIII в. «Переводчик от творца только что именем рознится»,— категорически утверждал Тредиаковский. Кантемиру в свое время также приходилось отражать недобросовестные нападки на этот счет. Например, в стихотворении «К стихам своим» он остро замечает: «Зависть, вас [стихи] пошевеля, найдет, что я новых И древних окрал творцов и что вру по-русски То, что по-римски давно уж и по-французски Сказано красивее».

Кантемир был на уровне образованности своего времени. Он поддерживал отношения с выдающимися мыслителями, писателями, учеными — автором французской «Энциклопедии» Монтескье (перевел его «Персидские письма», сатирически изображавшие феодальную Францию) [9], Вольтером (переписывался с ним, сообщая более точные сведения по истории и современному состоянию России), математиком П. Мопертюи, известным художником Дж. Амикони (он написал в 1738 г. маслом портрет Кантемира) [10].

Сатиры Кантемира были переведены в 1749 и 1750 гг. прозой на французский (с приложением биографии, составленной его другом, членом Французской академии надписей Октавианом Гуаско[11]) и в 1752 г. на немецкий язык [12]. До конца жизни Кантемир сохранял научные связи с Петербургской академией наук и ее членами; Академия издавала его сочинения [13].

Было бы неверно видеть в Кантемире одинокую фигуру, первооткрывателя. История литературного языка слагается из усилий многих авторов, в том числе представленных «малыми» жанрами — менее известными сочинениями, переводами, статьями, лексиконами и т. д. Эти авторы часто оставались безвестными, между тем их языковые приемы очень показательны. Не имея мастерства и литературного таланта корифеев, они в то же время

---

[9] Подробнее см.: *М. П. Алексеев*. Монтескье и Кантемир.—«Вестник Ленингр. ун-та», 1955, № 6.

[10] С этого портрета сделано несколько гравюр.

[11] В работах прошлого века биографом Кантемира ошибочно называется историк и литератор Филип Венути.

[12] Литературные и культурные связи Кантемира характеризуются в исследовании, вышедшем в ГДР: *H. Grasshoff*. Antioch Dmitrievitch Kantemir und Westeuropa. Berlin, 1966.

[13] *М. И. Радовский*. Антиох Кантемир и Петербургская академия наук. М.—Л., 1959.

непосредственно реагируют на потребности языкового общения. Только суммируя, сопоставляя данные разных источников — больших и малых, — можно получить реальную картину состояния и движения литературного языка той или иной эпохи.

Сам Кантемир изучал современную и предшествовавшую ему литературу, учитывал языковой опыт других авторов. Нельзя, например, не упомянуть по крайней мере следующие наверняка знакомые ему работы (мы также будем к ним в дальнейшем обращаться) — «Книга мирозрения» Хр. Гюйгенса в переводе сподвижника Петра I Я. Брюса (2-е изд., 1724); первый сборник научных рефератов Академии наук «Краткое описание комментариев Академии наук» (1728), над которым трудились штатные переводчики В. Адодуров, М. Сатаров, И. Горлицкий, И. Ильинский, С. Коровин. Распространено было в петровское время и позднее сочинение С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному», переведенное Г. Бужинским (1726); «Лексикон треязычный» Ф. Поликарпова (1703) и его же перевод «Географии генеральной» Б. Варения (1718); курс «Сокращение математическое» (сюда входила арифметика, геометрия, тригонометрия, астрономия, география) петербургских академиков Я. Германа и О. Делиля в переводе Горлицкого (1728). Как увидим, словоупотребление Кантемира и остальных деятелей того времени органически связано.

Далеко не все написанное Кантемиром дошло до нас. Не сохранились начатый им русско-французский словарь, материалы по русской истории, руководство по алгебре, переводы исторических и философских работ древних — Юстина, Корнелия Непота, Эпиктета, современных ученых и писателей Фр. Альгаротти, Монтескье и др. Не сразу появилось и удовлетворительное издание сочинений Кантемира. Сборник «Сатиры и другие стихотворческие сочинения» А. Кантемира, подготовленный И. Барковым (СПб., 1762), содержал текстовые искажения. Не удалась и незаконченная публикация в серии «Русские классики» (СПб., 1836). Последующие издания ориентировались на тексты, опубликованные в 1762 г. Первое научное и до сих пор самое полное собрание составляют «Сочинения, письма и избранные переводы» в двух томах под редакцией П. А. Ефремова, с биографическим очерком В. Я. Стою-

нина (СПб., 1867—1868). Дополнения и уточнения к этому изданию сделаны при подготовке современного «Собрания стихотворений» (Л., 1956) с критико-биографической статьей и подробным историко-литературным комментарием.

Источником биографических сведений о Кантемире долгое время служил упоминавшийся очерк Гуаско. Сокращенно он приведен в издании 1762 г. и почти полностью «внесен» в книгу Г. З. Байера (Беера) «История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира» (М., 1783), вышедшую в издательстве Н. Новикова в переводе (Байер писал по-латыни) Н. Н. Бантыш-Каменского. В дальнейшем появились более совершенные биографии Кантемира, но работы XVIII в. не потеряли значения до сих пор. Ведь Гуаско приводил некоторые данные по личным впечатлениям и со слов самого Антиоха. Байер (он умер в 1738 г.) располагал бумагами и рукописями Дмитрия Кантемира, показывал свой текст Антиоху. В книге, выпущенной у Новикова, впервые опубликован ряд подлинных документов — договор Дм. Кантемира с Петром I, его завещание, завещание Антиоха и др. Позднее издана переписка А. Кантемира — деловая и с родственниками [14]. Материалы о Кантемире и его сочинения собирались постепенно (лучшим списком сатир и некоторых других произведений считается найденная в середине XIX в. рукопись 1755 г.). Эта работа продолжается и теперь, часто она требует научных исследований и изысканий. Еще и ныне встречаются расхождения в датировке и трактовке отдельных произведений Кантемира (даже год рождения писателя точно не указывается — 1708 и 1709).

Творчество Кантемира неизменно привлекало к себе внимание. Ломоносов высоко оценивал сатиры Кантемира. Тредиаковский, переписывавшийся с Кантемиром, отзывался о нем следующим образом в трактате «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735): «Без сомнения главнейший и искуснейший пиита российский» и позднее: «толь славный по наукам, в российском стихотворстве» (1755). Н. М. Карамзин открывал свой «Пантеон российских авторов» (1802) главой о Кан-

[14] *И. И. Шимко.* Новые данные к биографии Антиоха Дмитриевича Кантемира и его ближайших родственников. СПб., 1891; *Л. Н. Майков.* Материалы для биографии А. Д. Кантемира. СПб., 1903.

темире и здесь, давая периодизацию истории русского литературного языка, полагал: «первую [эпоху] должно начать с Кантемира». Он же отмечал совершенство для своего времени языка Кантемира и его роль: «Он писал довольно чистым языком и мог по справедливости служить образцом для современников». Карамзинист П. Макаров высказывал сходные мысли: «Сочинения Кантемировы были первою зарею нашей словесности» (журнал «Московский Меркурий», 1803, декабрь). Н. И. Новиков посвятил Кантемиру статью в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772), где дал меткую характеристику его: «Ревностный распространитель учреждений Петра Великого». Как образец литературного языка приводил выдержки из сатир Кантемира известный ревнитель русского слога А. С. Шишков в своем «Рассуждении о новом и старом слоге российского языка» (СПб., 1803). Поэт и критик К. Н. Батюшков в статье «Вечер у Кантемира» представил писателя беседующим с его друзьями Гуаско и Монтескье («Опыты в стихах и прозе», ч. I. СПб., 1817). Большую статью посвятил сатирам Кантемира писатель В. А. Жуковский в журнале «Вестник Европы» (1810, ч. 49, № 3-6).

Некоторые образы Кантемира прямо перекликаются с произведениями Грибоедова. Например, в сатире VII изображены старозаветные старики, «кои помнят мор в Москве и, как сего года, Дела Чигиринского сказуют похода». Такие же персонажи есть в «Горе от ума»: «Известья черпают из забытых газет Времен Очаковских и покоренья Крыма». Знаменитое выражение Гоголя «зримый смех сквозь незримые миру слезы» напоминает Кантемира: «Смеюсь в стихах, а в сердце о злонравных плачу». Обращались к Кантемиру А. С. Пушкин, К. Ф. Рылеев, Г. В. Плеханов и др. О Кантемире имеется обширная и все увеличивающаяся исследовательская литература; см., например, в материалах юбилейного заседания, посвященного писателю (сб. «Проблемы русского просвещения в литературе XVIII в.» .М.— Л., 1961), библиографию работ об Антиохе и Дм. Кантемирах за 1917—1959 гг.

Кантемир скончался 31 марта (11 апреля) 1744 г. в Париже после тяжелой болезни. В своем завещании писатель выражал надежду, что тело его по обыкновению перевезут «в отечество» за казенный счет. Императрица Елизавета Петровна отказалась сделать это, и лишь

полтора года спустя (в октябре 1745 г.) стараниями сестры Марии и братьев останки писателя переправлены морем в Петербург, а затем в Москву. Здесь Кантемир похоронен по его желанию в нижней (зимней) церкви (св. Николая) Николаевского греческого монастыря. В пункте 30 завещания он указывал именно это место: «В Греческом монастыре в Москве без всякой церемонии ночью» — рядом с отцом Дмитрием Константиновичем Кантемиром (он был жертвователем монастыря) и матерью (1713). Еще в конце прошлого века сетовали, что чугунные могильные плиты Кантемиров с надписями отыскать «весьма трудно»[15]. В дальнейшем здания монастыря частично снесены, частью перестроены. Прощанием писателя, его литературным завещанием звучат последние строки стихотворения «К стихам своим» (1743):

...В речах вы признайте
Последних моих любовь к вам мою. Прощайте!

МНОЖЕСТВО МИРОВ

В первом же значительном печатном произведении Кантемир обращается к актуальным вопросам естествознания и философии того времени. В 1730 г., как говорилось, он подготовил перевод «Разговоров о множестве миров», литературная история которого целиком обусловлена его содержанием.

Содержание «Разговоров» заключается в следующем. Некая дама (маркиза) принимает в своем поместье знакомого, тоже светского человека, кавалера. По вечерам они гуляют в парке («зверинце»[16], как тогда говорили), и кавалер, сведущий в науках, излагает даме основы мироздания. Поскольку дама не имеет никакой специальной подготовки и отличается лишь понятливостью, все объяснения даются популярно и занимательно. Содержание бесед составляет шесть глав («вечеров») книги, хотя дама и кавалер с чисто французской шутливостью условливаются никому не сообщать об ученых разговорах,

---

[15] *Р. И. Сементковский.* А. Д. Кантемир, его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1893, стр. 89; *И. И. Шимко.* Новые данные к биографии.., стр. 140—141.

[16] «Зверинец» представлял собой огороженную часть леса или парка, где животные находились в естественных условиях.

РАЗГОВОРЫ

О

МНОЖЕСТВѢ МІРОВЪ

господина

ФОНТЕНЕЛЛА

паріжской академіи наукъ

секретаря.

Съ французскаго перевелъ и потребными примѣчаніями изъяснилъ

КНЯЗЬ АНТІОХЪ КАНТЕМИРЪ

въ Москвѣ 1730 году.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.
При Императорской Академіи Наукъ
MDCCXL.

Титульный лист «Разговоров о множестве миров»

которые они вели во время уединенных вечерних прогулок, поскольку этому все равно не поверят.

Впрочем, ничего необычного в самом жанре «Разговоров» не было; многие, даже сугубо философские сочинения XVIII в. писались в форме бесед и разговоров. Кантемир дополнил книгу подробным оглавлением — конспектом («Краткое содержание каждого вечера») и примечаниями. «Разговоры» были произведением, где развивались передовые по тому времени научные воззрения. В книге отвергалась старая, принятая церковью птолемеевская схема, по которой в центре мира находилась земля, а все светила, включая солнце, вращались вокруг нее. Правильной в «Разговорах» считается гелиоцентрическая система Коперника (солнце в центре). Допускалось наличие множества таких же миров, как земной (и солнечный), причем высказывалось предположение, что эти миры (или часть из них) населены. Тем самым наносился удар положению церкви о неповторимости создания человека.

Симпатии к учению Коперника писатель высказывает неоднократно в «Разговорах» и других произведениях. Это нашло отражение, в частности, в примечании 82 к имени Галилей: «Коперникову систему основательно доказал. Много за сие претерпел от римской инквизиции». Когда с просьбой об издании «Разговоров» в академическую канцелярию от имени Кантемира обратился его учитель петербургский академик Хр.-Ф. Гросс, тогдашний управляющий И. Шумахер потребовал предварительного разрешения правительства и синода. Переписка и хлопоты по поводу разрешения тянулись долго. За это время Кантемир подготовил примечания к «Разговорам», менялось и заглавие; лишь в 1738 г. был решен, наконец, вопрос об издании перевода, но вышел он в 1740 г. Кантемир счел долгом посвятить книгу своим учителям, Академии наук: «В знак своего благодарства за полученное от ее мудрых членов воспитание и наставление».

Выступление Кантемира с изложением и популяризацией учения Коперника не было единичным, в XVIII в. взгляды Коперника получили распространение [17]. Сам Кантемир ссылался на «Книгу мирозрения» Гюйгенса.

---

[17] *Б. Е. Райков.* Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России, изд. 2. М.—Л., 1947.

Систематически материалы такого рода печатались также в популярном журнале «Ежемесячные сочинения», который стала издавать Академия наук с 1755 г. Это встретило сопротивление церковников. Уже после смерти Кантемира в 40-е годы XVIII в. на имя императрицы был подан пространный доклад М. П. Абрамовым, где говорилось: «Из гюйгенсовой и фонтенеллевой печатных книжичищ сатанинское коварство явно суть видимо... И тако на каждых глобусных землях собственных везде солнцы и луны быти утверждают, и множественное их число исчисляют, и на них земли с жители, звери и гады и пажити таკожде, яко и на нашей земле, все быти научают» [18]. В 1756 г. к Елизавете Петровне обращаются члены синода с требованием не печатать в «Ежемесячных сочинениях» статей, «противных вере», и изъять из обращения книгу Кантемира [19]. К счастью, оба обращения не имели прямых последствий. В 1761 г. стараниями Ломоносова оказалось возможным вторично издать «Разговоры», а в 1802 г. Академия наук выпустила и третье издание книги.

Это необходимо учитывать, поскольку в исследованиях нередко встречается утверждение, что первое издание «Разговоров» было изъято и уничтожено. Мы не располагаем достоверными сведениями об этом. Во всяком случае можно с уверенностью утверждать, что книга Кантемира была распространена среди читателей на всем протяжении XVIII в. и могла оказать влияние на развитие литературного языка. В 1802 г. (одновременно с третьим изданием Кантемира) в Москве вышел другой перевод «Разговора о множестве миров», сделанный А. П. Трубецкой. Возможно, обращение этой малоизвестной писательницы к Фонтенелю как-то связано с личностью Кантемира; она сохранила некоторые термины Кантемира (*вихрь*, *средоточие* и др.), в остальном ее текст написан языком конца XVIII — начала XIX в. Рассмотрим некоторые выражения, употреблявшиеся Кантемиром при обозначении частей мироздания.

Подбирая эквиваленты для заимствования *натура*, Кантемир останавливается на славянизме *тварь*, имев-

---

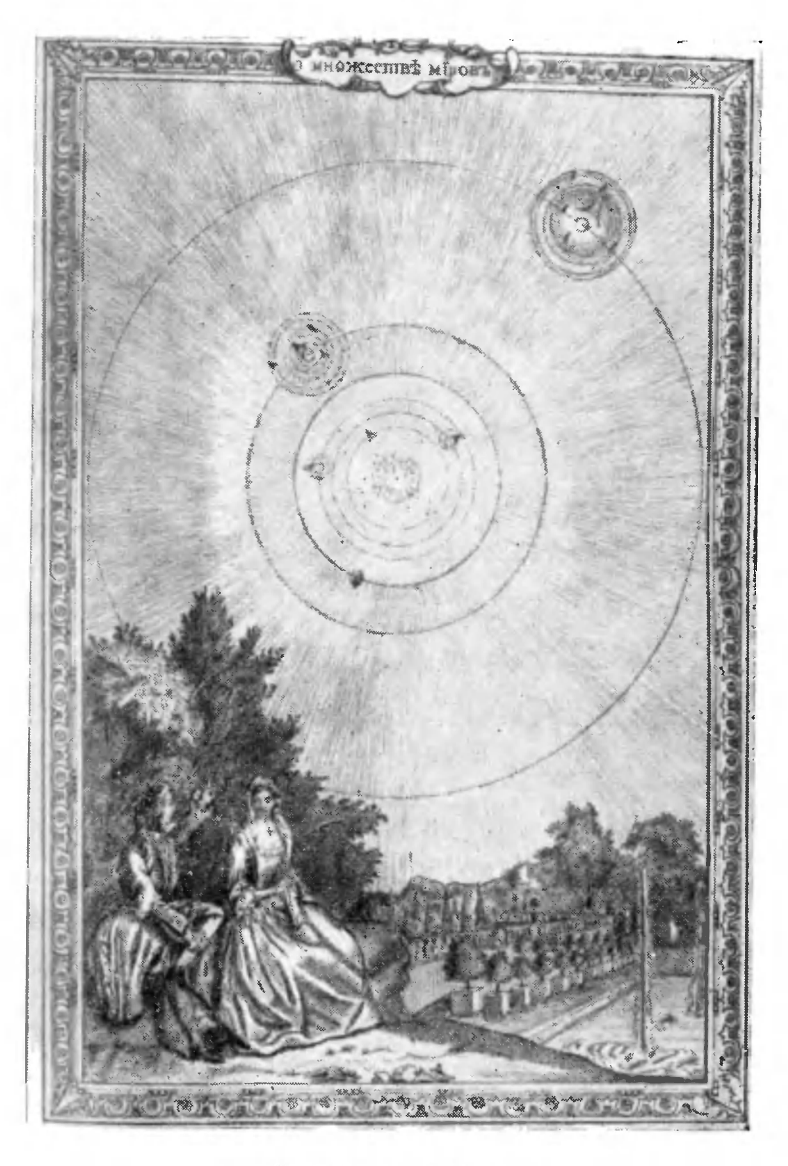
[18] Полностью см.: *П. П. Пекарский*. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 511.

[19] «Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 1, разд. V. М., 1867, стр. 7—8.

шем обобщенное значение «все вокруг, все созданное» (*вся тварь*) и, кроме того, «(отдельное) существо». Кантемир придает слову в первом смысле естественнонаучное истолкование, приравнивая его к словам *натура*, *природа* и др. Например: «Все телеса в *твари* взаимно себя по неким правилам привлекают» (сатира VII, прим.). В позднейшем переводе «Разговоров» (М., 1802) это слово прямо заменяется словом *природа*. Обобщенное (расширительное) употребление слова *тварь* (правда, со специфическим славяно-книжным оттенком) бытовало в XVIIIв . Вот пример из периодического издания «Исторические примечания» (1731): «Токмо единая *тварь*, а не время преходит»; а также из философского трактата Тредиаковского «Слово о премудрости, благоразумии и добродетели» (1752): «Состояние в целости всей *твари* и премудрый состав всего мира».

Кроме того, слово выступало в значении отдельного предмета и живого существа, например в «Месячных ведомостях» (1728): «Кометы натуральные... *твари* суть»; у Сумарокова в статье «Г-ну Пассеку»: «Мы, разумом одаренные *твари*». Такое употребление (более продолжительным оно было применительно к человеку) в XVIII в. нейтрально, оно не имеет уничижительной окраски, которая появится лишь позже в XIX в. Так, можно было встретить примеры, совершенно невозможные теперь: «В сию-то школу должна молодая девушка ходить, если хочет быть совершенною *тварию*», т. е. совершенным, образованным человеком («Ежемесячные сочинения», 1755). Уже ко времени Пушкина оба указанные значения слова *тварь* заметно устаревают и встречаются в стилистически и художественно обусловленных контекстах; у Пушкина представлено уже и современное нам значение слова — бранное обозначение человека.

Кантемир вводит разграничение в обозначении некоторых астрономических понятий. Употребительно у него слово *мир*. Так обозначается все существующее: «Узнать причину движения *мира* сего» («Разговоры») и астрономические объекты разного порядка — *лунный мир*, *наш* [земной] *мир*: «Неисчисленно многим *мирам* между звездами быти». Одна из основных идей «Разговоров» и заключалась, как мы помним, в утверждении множественности (бесконечности) миров во вселенной. Однако слова *мир*, *свет*, *вселенная* и другие отличались широтой

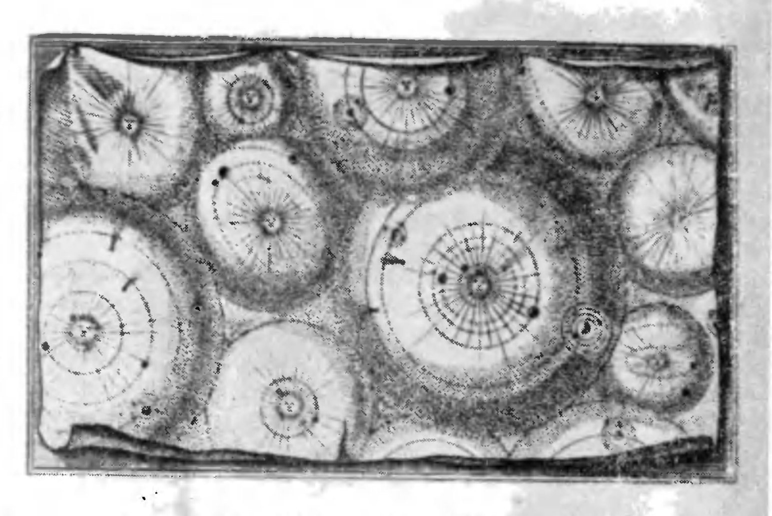

Фронтислис к «Разговорам о множестве миров»

семантики и обозначали разные явления. Кантемир проводит такую специализацию слов: *мир* он относил к отдельным небесным телам, тогда как сочетание *повсемественный мир* означало у него более сложные образования, например солнечную систему. В описываемое время слово *мир* встречается также в переносном смысле в сочетании *ученый мир*. В предисловии Брюса к «Книге мирозрения» сказано об одной работе: «Сей трактатец... *ученый мир* с особливым почтением воспринял».

Нашла отражение в «Разговорах» теория Декарта о космических вихрях. Под ними понималась совокупность вещества небесных тел, вращающихся вокруг одного центра. «Великое некое число частей вещества, которые согласилися двигатися около одной точки, есть турбильон [от франц. tourbillon], или *вихрь*»,— определяет это явление Кантемир в примечаниях. Пример слова в тексте: «Наше солнце в *вихрях* неподвижных звезд». Впервые этот термин употребляется русскими переводчиками в упоминавшихся Комментариях (на это указывает сам Кантемир) и вводится в обращение в книге Кантемира. Термин утвердился в литературе, дальнейшая судьба его связана с обозначаемым понятием.

К рассматриваемому периоду относится возникновение и столь распространенного ныне термина *спутник*. Как полагают, вначале его использовал Я. Брюс в переводе «Книги мирозрения». В XVIII в. наблюдается также форма *сопутник* как вариант к *спутник*: «Сатурн и Юпитер, також с их обоих кругомходящими *сопутники*» («Книга мирозрения»). В этом же источнике слово употребляется и в женском роде — при названии некоторых небесных тел: «Земля луну в *спутницу* имеет». Это показывает, что в новом термине еще ясно ощущалась образная основа, соотношение с исходным прямым значением. С 20-х годов XVIII в. известен в том же смысле латинизм *сателлес*, или чаще *сателлит*. Слово *сателлит* как астрономический термин в русском и других языках произошло не от единственного числа satelles (лат.), а от формы множественного числа satellites с отсечением флексии. В научном изложении Кантемир предпочитал именно этот термин из-за его однозначности: «Он [Галилей] первый около Юпитера *сателлитов* приметил» («Разговоры»). Слово *спутник* у него встречается в прямом смысле, когда он говорит об Одиссее (Улиссе) и его

ВЕЧЕРЪ ПЯТЫИ

въ которомъ доказывается
что звѣзды неподвижныя суть солнцы,
изъ которыхъ
всякое цѣлому мiру свѣтитъ

Маркiза весьма нетерпѣливо знать хотѣла,
1 что здѣлается съ звѣздами неподвижными.
будутъ ли, говорила мнѣ, онѣ обитанны такъ
какъ планеты, или не будутъ? Однимъ словомъ,
что мы изъ нихъ здѣлаемъ? Ты сама, отвѣтство-
валъ я, можетъ быть дозналася бы того, естьли-
бъ гораздо того желала. Звѣзды неподвижныя
отстоятъ отъ Земли по меньшей мѣрѣ въ дват-

цати

Начало 5-й главы «Разговоров о множестве миров»

странствиях: [гребцов] «называет его *спутниками*, его товарищьми» («Письма Горация»).

На первых порах Кантемир и другие авторы используют при обозначении астрономических спутников различные описательные наименования — *малая планета*, *небольшая планета*, *луна* и др. Например, в «Разговорах»: Сатурн со своими *лунами*; в Комментариях АН подобное выражение сопровождается раскрытием образной основы термина *спутник*: «... чрез *спутников* Юпитеровых, убо тако нарицают четыре *малые планеты*. Они обращаются непрестанно около Юпитера, чего для и нарицаются *спутниками*». Однако довольно скоро вариантность в обозначении этого понятия сменяется определенностью — уже во второй половине XVIII в. в русском литературном и научном употреблении утверждается слово *спутник*, остальные обозначения (в том числе заимствование *сателлит*) постепенно отпадают[20]. Слово *сателлит* сохраняется у нас только в ином смысле — «приспешник, сообщник». Примеры такого употребления встречались еще до XVIII в.

В «Разговорах» и примечаниях Кантемира представлена характерная для того времени научно-литературная лексика, воссоздающая круг тогдашних представлений и помогающая проследить историю ряда современных нам терминов.

ЛУННЫЕ «КРИЗИСЫ»

Сейчас, конечно, трудно предположить, что слово *кризис* в современном значении «решающая перемена в чем-либо» первоначально связано с астрологическими и астрономическими представлениями. Восходит этот термин к греческому и латинскому crisis, которое означало «решающий поворот в деле» и употреблялось преимущественно в судопроизводстве. В средние века слово утвердилось в европейских языках в смысле «перемена в течении болезни под влиянием луны и светил». Отголоски этого осмысления сохранились в языках (например, французском и английском) по крайней мере до XVII—XVIII вв.

---

[20] О слове *спутник* в XIX—XX вв. и в наши дни см. в сб.: «Современная русская лексикология». М., 1966.

В русском слове *кризис* указанные воззрения оставили едва-едва заметный след, но первые примеры его употребления все же отмечены таким, сейчас уже совершенно забытым толкованием. В «Разговорах» Б. Фонтенель с иронией (но все же не отбрасывая совсем) излагает представления о воздействии нашего естественного спутника на здоровье и судьбу земных жителей. Один из персонажей «Разговоров» в шутку задает примерно такой вопрос: если, как полагают, луна и ее воображаемые жители влияют на состояние нашего здоровья, то, может быть, и мы, обитатели земли, способны оказывать обратное воздействие на луну? Вот это место из «Разговоров» в переводе Кантемира: «Мы можем претендовать, чтобы посылать луне инфлуэнции [т. е. влиять на луну] и давать *кризес* тамошним больным». Важно отметить, что в примечаниях Кантемир определяет не устаревшее астрологическое, а устанавливающееся медицинское значение слова *кризис* (*кризес* в первоначальном написании). Он пишет: «*Кризес*. Слово греческое, собственно «суд», но у докторов значит внезапную премену болезни».

Однако, хотя из примечания Кантемира явствует, что слово уже осознается в качестве термина медицины, в литературе (неузкоспециальной) со второй половины XVIII в. оно известно в общем смысле «резкая, решающая перемена в чем-либо». Так оно употребляется в письмах Д. И. Фонвизина 70-х годов XVIII в.; в «Письмах русского путешественника» Карамзина находим: «Любовь есть *кризис*, решительная минута жизни, с трепетом ожидаемая сердцем». Оба указанных значения, очевидно, возникают в русском языке XVIII в. самостоятельно.

Аналогичная история у прилагательного *критический*, появляющегося в последней трети XVIII в. Оно употребляется применительно к болезни и в общих сочетаниях: *критические* обстоятельства, *критические* времена, *критическое* положение, *критические* случаи и др. Еще в XVIII в. происходит смысловое сближение слова *кризис* со словом *перелом*, частичная соотносительность их сохраняется и ныне: *перелом* в болезни, *перелом* в делах. В первой половине XIX в. сфера приложения слова *кризис* расширяется. Терминологическое (медицинское) значение воспринимается теперь независимо от происхождения как исходное, «прямое», а все остальные как производные и переносные. Так объясняется слово, например,

в известном «Карманном словаре иностранных слов» Н. Кирилова (1845—1846): «*Кризис.* В медицине так называют перелом, переворот, после которого страждущий начинает переходить от болезни к выздоровлению или к смерти. Отсюда это слово перенесено и вообще на житейские обстоятельства и означает событие, которое произвело резкую перемену в сфере деятельности частного человека или целого общества».

С середины XIX в. становятся обычными такие вполне современные сочетания со словом *кризис*: общественный (социальный), политический, экономический и др. Естественно, они никак уже не связаны с прежними лунными «кризисами», о которых сейчас напоминают лишь редкие примеры из литературы XVIII в.

«ПРЕДЛЕЖАЩИЕ ВЕЩИ» ВОКРУГ НАС

Распространение естественнонаучных знаний способствовало оживлению лексики, обозначающей предметы и явления окружающего мира. Возникают некоторые слова, без которых сейчас трудно представить себе словарный состав русского литературного языка. Это прежде всего слово *предмет* (и *объект*), история которого до недавнего времени оставалась недостаточно выясненной. Регулярное употребление слова *предмет* начинается с середины XVIII в., но еще ранее в том же смысле выступают многочисленные предшественники слова, образуя в совокупности заметный период его «предыстории».

По происхождению *предмет* сближается с латинским objectum — причастием прошедшего времени от глагола objicere «бросать перед, против чего». Приставка ob- и глагольная часть латинского слова по смыслу соответствуют приставке *пред-* и корню *-мет-* (*метать*) русского слова. Такие же и сходные образования известны в других славянских языках: в польском (przedmiot), в чешском, словацком, болгарском и др. В русском литературном языке издавна имеется большое число существительных и глаголов с приставкой *пред-* (в «Словаре Академии Российской» их насчитывается около 250). Но таких, которые содержали бы лишь приставку и корень при отсутствующем суффиксе (кроме слова *предмет* и еще одного слова этого рода *предлог*) среди них больше нет, хотя сама

модель подобного образования слова в русском языке известна (ср. однотипные слова от других корней *слет*, *переплет*).

На этом основании *предмет* (и *предлог*) рассматривается как калька с латинского. Известный русский ученый И. А. Бодуэн де Куртенэ в своей редакции «Толкового словаря» Даля (Изд. 3. СПб., 1907) слово *предмет* сопровождает пометой: «перевод лат. objectum». В. Г. Белинский в статье «Грамматические разыскания В. А. Васильева» отмечал *предмет* среди слов, которые «удачно переведены на русский язык и получили в нем право гражданства». В XVIII в. *предмет* быстро распространяется, вытесняя другие наименования. Между тем в начале XVIII в. основным в данном смысле было существительное *вещь*, отличавшееся широтой семантики. В примечаниях к сатире I Кантемир использует его при указании предметов и явлений окружающего мира: «Физика... испытает состав мира и причину, или отменение, всех *вещей* в мире». Уточнение того, какого рода предмет или тело имеется в виду, достигалось с помощью специальных прилагательных — *естественные*, *натуральные*, *физические вещи*, *животные вещи*, *вещи травные* и др.

Из других слов, применявшихся для передачи данного значения, выделяется причастие *предлежащий*, которое характерно для языка Кантемира. Оно используется самостоятельно в субстантивной форме среднего рода (*предлежащее*) и в качестве определения при существительном *вещь* (*предлежащая вещь*). Его собственное значение — «расположенный перед кем-чем». У Кантемира встречаются примеры обоего рода: «В том возрасте [наши чувства] легче принимают в себя изображения *предлежащих*» (сатира VII), «[Очки] разным людям различно *предлежащие вещи* представляют» («Разговоры»; во французском тексте — les objets.). Подобные выражения встречаются и у других авторов первой половины XVIII в. Например, в работе Ломоносова «Описание в начале 1744 года явившейся кометы»: «Зеркала и зрительные стекла можно несколько раз переменить и тем *предложенные вещи* увеличить в диаметре». Указанные слова и сочетания могли обозначать материальные вещи и явления. Слова же *предлог* и *предложение* в XVIII в. указывают почти исключительно предметы умственного рассмотрения и в этом отношении примыкают к словам *вопрос* и *проблема*.

См. пример в одной из статей академических Комментариев: Приступим ныне к решению самого *предложения*. Позднее смысл слов *предлог* и *предложение* меняется. В частности, *предлог* сохраняется исключительно в значении (существовавшем и в XVIII в.) «повод для чего-либо».

С 50-х годов XVIII в. начинает регулярно употребляться слово *предмет* и сразу же обнаруживает по существу все основные современные нам свойства — оно означает материальные вещи, объекты интеллектуального рассмотрения и т. д. Приведем некоторые примеры слова, относящиеся к этому времени. Оно встречается в сборнике академических рефератов «Содержание ученых рассуждений» (1754): «Потом приступает автор к главному *предмету* сочинения своего»; в журнале «Ежемесячные сочинения» (1759): «Рассматривает величину *предметов*, в неизмеримом пространстве рассеянных». Все же новизна слова еще ясно ощущается. Писатель старшего поколения Тредиаковский в произведениях этого периода употребляет в данном смысле различные наименования, но все они примыкают к упомянутым выше — *предлежащее*, *предлежащая вещь*, *предверженная вещь*, *предвергаемая вещь*, *предвержение*, *предвержность*, *предлежность*. Он пишет, например, в переводе «Римской истории» Ш. Роллена (начало 60-х годов XVIII в.): «Три различные *предлежности*, или *предвержности* [т. е. вопроса, предмета], о которых практическая мудрость предлагает».

Тем не менее в существующих этимологических словарях и исследованиях именно с Тредиаковского обычно датируют появление слова *предмет* в русском языке. Это мнение долго не проверялось лексикологами на фактическом материале. Слово *предмет*, действительно, встречается у Тредиаковского, но крайне редко и позже, чем у других авторов. По нашим наблюдениям, оно использовано у него дважды — во вступлении и концовке перевода статьи Вольтера «Опыт исторический и критический о разгласиях церквей в Польше» (1768). Вот пример, на который обычно ссылаются исследователи и который, вероятно, лег в основу указанного мнения: «Сугубый сей единственный *предмет*, — пишет Тредиаковский о теме своего перевода,— толь великоименитый, был мне побуждением неотрицаемым и неотложным». В основном же Тредиаковский пользовался прежними наименованиями, по типу

которых он создавал собственные, новые выражения; слово *предмет* было ему по существу мало знакомо. Распространение слова *предмет* идет столь последовательно, что в начале XIX в. прежние наименования при редактировании или сличении старых текстов заменяются на *предмет*. Например, на месте фразы в «Разговорах» Кантемира: «*Вещи*, глазам *подлежащие*» (во французском тексте: les objets) в позднем переводе (1802) находим: «Как *предметы* мне были бы приятны».

Заимствование *объект* возникает на основе того же латинского objectum, с обычным в таких случаях «отсечением» окончания -um. Оно встречается, например, еще в «Книге системе» Дм. Кантемира (1722) в форме *объектум* и *объект* с пояснением на полях: «предлежащее». В XVIII в. это слово в общем окончательно утверждается к концу столетия, образуя прочную и устойчивую синонимическую пару с *предмет*. Слово *объект* при этом получает по сравнению с *предмет* более узкокнижный, философский характер. Это сходство и вместе с тем различие слов в целом сохраняются до настоящего времени. Появляющееся в конце XVIII в. прилагательное *объективный* (как и *предметный*) вначале по смыслу прямо связано с *объект* (*предмет*) — в оптике оно относилось к линзе, наводимой на вещь («объективное стекло»). Однако уже с конца 20-х годов XIX в. слова *объективный* и *объективность* приобретают современный философский смысл «существующий (существование) вне нас» и в дальнейшем сохраняются в этом качестве.

Историю рассмотренного словесного ряда — от «предлежащих вещей» Кантемира до современного «предмета» — можно было бы, таким образом, считать установленной, если бы не последние лингвистические находки. Советский лексиколог профессор Ю. С. Сорокин обнаружил слово *предмет* в документе 1720 г.— ноте русского посла в Лондоне М. П. Бестужева британскому двору. Здесь *предмет* встречается по крайней мере трижды в значении «результат, цель» в примерах типа: «дабы достигнуть до сего *предмета*» (речь идет о действиях на Балтийском море). Тем самым существенно меняется дата появления слова. Она примерно одинакова теперь с заимствованием *объект*, которое до этого считалось старше. Относительная легкость, и, так сказать, непринужденность встретившихся примеров начала 20-х годов XVIII в. доказыва-

ют потенциальную «готовность» слова в русской литературной лексике первой половины XVIII в.

Уточняется в свете последних данных и генезис слова *предмет*. В научной литературе оно нередко считается переводом (или даже заимствованием) с польского przedmiot с аналогичным значением. Между тем указанное польское слово до конца XVIII в. сравнительно редко, наряду с ним в XVIII—XIX вв. употребляются весьма разные слова сходного и иного образования. Перечень их приведен, например, в четырехтомном «Словаре польского языка» С. Линде (1854—1860), там же находим любопытные исторические свидетельства, позволяющие предположить русское происхождение слова в польском и других славянских языках.

В русском языке слово утвердилось не с [о] после мягкой согласной: предмёт (ср. известные в XVIII в. *рудомет*, *водомет*, современные *пулемет*, *огнемет*), а в соответствии со славяно-книжными нормами с [э]: предмет. Точно не известно, как звучали в XVIII в. слова *рудомет*, *водомет* и др.; как и *предмет*, они писались не через ять (ѣ), а через *е*, что допускало двоякое чтение — с [э] и [о]. Не исключено, что в книжном употреблении они имели также [э], но затем в них возобладало произношение по народным разговорным нормам [о]. Слово *предмет* как книжное оказалось не затронуто этим процессом и в результате имеет произношение, отличное от других слов с данным корнем.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ

Произведения Кантемира трудно представить без обстоятельных и пространных текстовых примечаний. Они составляют значительную часть написанного Кантемиром. Текстовые комментарии Кантемира — живая хроника, своего рода энциклопедия современной ему действительности. В примечаниях изложены многочисленные языковые наблюдения Кантемира — толкования слов, объяснение новообразований и т. д. Белинский с полным правом писал: «примечания [к сатирам Кантемира]... необходимы, потому что характеризуют дух времени, состояние русского языка и общества того времени». Примечания составляют единое целое с основным текстом

ПИСЬМО II. 25

Добродѣтели, впротивъ, и мудрости силы
Полезныи представилъ намъ образецъ въ Улиссѣ.
Покоритель Трои хитръ городы многи
И нравы многихъ народъ изслѣдилъ разсудно
Въ пространномъ мори плывя съ своими къ возврату,
Много нужды претерпѣлъ и жестоки бѣдства.
Нещастія никогда подавленъ валами
Пѣснь Сиреновъ знаешь ты, и Цирцеи чашу:

Г Есть ли въ

ПРИМѢЧАНІИ.

Стихъ 18. *Добродѣтели впротивъ и мудрости.* Изъяснивъ содержаніе Иліады, Горацій описуетъ уже одно ею, второе твореніе Омирово, которое показываетъ, что добродѣтель и мудрость суть крайнее человѣково добро, и однѣ только тѣ могутъ надежно ихъ провесть сквозь пропасти, кои въ житьѣ нашемъ по вся дни подъ ногою находимъ.

Стихъ 20. *Покоритель Трои.* Такъ Омиръ Улисса называетъ, понеже его мудрыми совѣтами болѣе нежели храбростію Ахилла, Агамемнона, Аіаха и прочихъ богатырей Троя добыта.

Стихъ 22. *Плывя съ своими къ возврату.* Улиссъ плывя съ своими людьми, возвращаяся въ отечество отъ Троянской войны.

Стихъ 23. *Много нужды претерпѣлъ и жестоки бѣдства.* Улиссъ въ своемъ пути снесъ гнѣвъ нетолько людей, но и боговъ. Юпитеръ и Нептунъ нѣкогда сокрушаютъ его корабли. Лотофаги, Циклопы, Лестригоніи, Цирцея, Сцилла, Харибдисъ, какъ и полюбовники его жены всякіе навѣты ему строятъ. Отъ всѣхъ однакожъ бѣдъ тѣхъ спасшися по двадцатилѣтномъ путешествіи возвратился въ отечество.

Страница из книги «Письма Горация»

произведения и, по авторскому замыслу, должны были помещаться на одной странице с поясняемым словом или выражением: «Примечания должно печатати на низу страницы, вмещая всякое примечание под стихом, к которому оно принадлежит». Действительно, в прижизненных изданиях кантемировских произведений («Разговоры», «Письма Горация») это правило соблюдалось и лишь позднее (в публикациях XIX—XX вв.) примечания стали помещать после основного текста.

Примечания расширяют познания читателей, совершенствуют их вкусы. Например, в одной из глав «Разговоров» упоминается Мольер. Кантемир пользуется случаем, чтобы коротко сказать о писателе и заодно о самом жанре комедии: «Молиер был славный писатель французских комедий в царство Людовика XIV. Комедия есть живое изображение какого простого и смешного действа к исправлению нравов и к увеселению смотрителей». Энциклопедические сведения в примечаниях соседствуют с лингвистическими. В «Разговорах» определяются слова и понятия, обозначающие отрасли знаний: *философия*, *логика*, *физика*, *нравоучение*; отвлеченные категории: *система*, *материя*, *идея*, *противопоставление*; естественные явления: *кометы*, *текущее вещество*, *полус*, *климат*; литературные жанры: *элегия*, *поема*; собственные имена: *Виргилий*, *Овидий*, *Птоломей*, *Коперник*, *Архимед*, *Галилей*; географические названия: *Нил*, *Кастилия*, *Париж*, *Африка* и др. Большое внимание уделяется соотношению («переводу») иноязычных и равнозначных русских слов.

Наибольший интерес имеют примечания к сатирам. Помимо отдельных слов и выражений, в сатирах комментируются целые строки и отрывки, создавая в некоторых случаях параллельное прозаическое изложение к стихам. Например, в сатире V высмеивается модный наряд: «Руки, шея, ноги, чреслы спутаны». В примечаниях это место раскрывается так: «Руки запонками, шея галстуком, ноги подвязками и башмаками спутаны». Заметим, что всюду стиль примечаний, как правило, нейтральный («средний») и может служить одним из образцов прозы первой половины XVIII в. Вот еще строка, поясняемая в Песне I: «Луну солнца лучи преломляти научив», в примечании: «Луна собою тело грубое и несветлое, светла же нам кажется для того, что лучи солнца, в нее упираясь, к нам, как от зеркала, отсвечивают».

В примечаниях можно найти историко-лексикологические сведения, важные для понимания современных свойств слов. Так, в сатире II Кантемир поясняет фразу: «пойло, что шлет Индия». Речь идет о двух напитках («пойло» — напиток) — кофе и шоколаде. Кантемир употребляет *кофе* в мужском роде: «Лучший *кофе* приходит из Аравии», где «тот овощ обилен». Таким образом, уже в то время *кофе* оформляется как заимствование мужского рода, а не среднего (ср. однотипные современные нам слова на *-о* и *-е*: *какао*, *кашне* и т. д.), что до сих пор служит источником речевых ошибок. Часто говорят *горячее кофе* (а не *горячий кофе*) по аналогии с *горячее какао*.

ПРОНИЦАЮЩЕЕ ЖАЛО САТИРЫ

Кантемир имеет прямое отношение к становлению сатирического жанра в русской литературе нового времени. Конечно, произведения этого рода существовали и раньше; они ярко представлены в фольклоре (например, «Повесть о Ерше Ершовиче»), имеются образцы их в силлабической поэзии (у Симеона Полоцкого и др.). Однако в первой половине — середине XVIII в. вопрос ставился еще так: могут ли сатиры считаться явлением литературы и иметь право на самостоятельное существование? Сатиры Кантемира стали первой систематической разработкой данного жанра в литературе XVIII в. Кантемировские сатиры, как отмечал Белинский, «пользовались большою известностью в обществе». В 1748 г. Ломоносов в отзыве на эпистолы Сумарокова ссылался именно на сатиры Кантемира: «в российском народе сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира с общею апробациею [21] приняты, хотя в них все страсти всякого чина людей самым острым сатирическим жалом проницаются». Когда в 60-х годах XVIII в. представилась возможность издать сатиры, именно Ломоносов активно способствовал этому.

Сатиры Кантемира представляют собой цикл с определенной тематикой. Первая сатира — «На хулящих учение. К уму своему». Основное заглавие и подзаголовок [22] взаимосвязаны — уму, говорит Кантемир,

---

[21] Одобрением, признанием.

[22] Названия сатир приводим по окончательной редакции, которая не всегда совпадает с первоначальной.

впору оставаться в бездействии, поскольку «Науку невежество местом уж посело». Кто же назван среди «невеж и презирателей наук»? Это прежде всего церковник Критон «с четками в руках», который «просит, свята душа, с горькими слезами Смотреть, сколь семя наук вредно между нами». Дворянин Силван, считающий, что науки не дворянское занятие и в хозяйстве можно обойтись без них («Сколько копеек в рубле — без алгебры счислим»); его рассуждения очень напоминают Простакову из «Недоросля» Фонвизина. К ним присоединяется щеголь, который «Не сменит на Сенеку... фунт доброй пудры». Ополчается против знаний судья, основное правило которого: «Брани того, кто просит с пустыми руками».

Вторая сатира написана в виде диалога между Филаретом («любителем добродетели») и Евгением («дворянином», в первой редакции добавлено: «всякого благонравия лишенным»). Дворянин жалуется, что не получает наград, хотя принадлежит к знатному роду и предки его имели заслуги. Кантемир затрагивает злободневный вопрос, поставленный всем ходом петровских преобразований,— он утверждает, что «благородство» и почести достигаются только личными достоинствами и «пóтом и мозольми в пользу отечества». Это положение писатель защищает с большим пафосом и высказывает немало острых замечаний: «Адам дворян не родил», «Благородными явит [нас] одна добродетель», «Разнится — потомком быть предков благородных Или благородным быть». Данная тема в сатирической форме была, как известно, позднее развита И. А. Крыловым в басне «Гуси» (1811). Одно из самых сильных мест этой сатиры (его отмечал Белинский) — наряжающийся щеголь и мот: «Деревню взденешь потом на себя ты целу». В примечаниях эта строка дополняется: «Взденешь кафтан пребогатый, который стал тебе в целую деревню. Видали мы таких, которые деревни свои продавали, чтоб себе сшить уборный кафтан». Специальную обобщенность придает Кантемир еще одному персонажу — льстецу Клиту, добивающемуся своих целей: «Спины своей не жалел, кланяясь и мухам».

Вереница образов проходит в третьей сатире «О различии страстей человеческих», посвященной Феофану Прокоповичу. Автор начинает с вопроса, чем объяснить различие нравов («страстей»), если физическая природа людей одинакова, и фактически дает ответ — в их социальном

положении и поведении. Здесь торговец, наживающийся на том, что «у аршина умерял вершок, в ведре — кружку». Клеарх живет в роскоши, но его богатство «набрано обманом, слезами, Клятвами и всякими подлыми делами». Сатира четвертая — «О опасности сатирических сочинений. К музе своей» имеет для Кантемира принципиальное значение. Он утверждает право на сатирическое творчество и свою принадлежность к этому жанру («сатиру лишь писать нам сродно»). Кантемир подчеркивает, что пишет не «гладко», как знаменитые и зарубежные авторы, его слог «грубый», образы резки, жизненны. Сатиры приносят ему не славу, а нарекания «сильных глупцов». Так, в сатирах «нечистый дух... бороду злословит» (имеется в виду образ епископа в сатире I) — это почти точно совпадало с известным антиклерикальным сатирическим стихотворением Ломоносова «Гимн бороде» (1761). В конце Кантемир определяет подлинное намерение своих сатир, эти слова относятся к литературному кредо писателя:

А коим бог чистый дух дал и дал ум здравый,
Беззлобны — беззлобные наши стихи взлюбят
И охотно станут честь, надеясь, что сгубят,
Может быть, иль уменьшат злые людей нравы.

Пятая сатира «На человеческие злонравия вообще» написана в Москве (1731) и позднее (1737) переработана. Здесь опять диалог — Периерг («любопытный») слушает рассказ Сатира, которого лесной бог Пан послал к людям для изучения их нравов. Эта сатира отличается остротой, подчас гротескностью изображения. Одной из центральных является сцена всеобщего пьянства в городе в один из «дней свят Николаю». Пьянство — постоянная мишень в творчестве Кантемира. Вот как выглядит пьяница Клитес в сатире III: «глаза красны, весь распух», «нищ, дряхл, презрен». Колоритны и другие описания в сатире, например, забияка, который «за словцо неважно Ищет ссору и драку... Не щадит и саму жизнь». В этой сатире описано бедственное положение крестьянина, его мечты:

Для меня б свинья моя только поросилась,
С коровы мне бы молоко, мне б куря носилась;
А то все приказчице, стряпчице, княгине
Понеси в поклон, а сам жирей на мякине.

В последующие годы Кантемир перерабатывает ранее написанные сатиры. Для новых сатир (начиная с VI) также характерна критическая направленность, но главным становится прямое изложение защищаемых принципов и взглядов. Такова шестая сатира «О истинном блаженстве», которая как бы противопоставляет доброе начало в жизни тем порокам, о которых говорилось прежде: «Добрым быть — собою мзда есть уже немала». Особенно показательна в этом отношении седьмая сатира «О воспитании», адресованная другу писателя Никите Юрьевичу Трубецкому. Кантемир спорит с теми, кто считает зло в человеке врожденным. Напротив, большая часть качеств человека зависит от воспитания, роль которого, таким образом, велика. «Главная причина злых и добрых наших дел,— говорит Кантемир в примечаниях, — воспитание». Оно начинается с самого раннего возраста, и материальные заботы не должны отвлекать родителей от главной задачи — вложить ребенку «в сердце нравы Добры». В вопросах воспитания Кантемира отличает гражданственность:

Главно воспитания в том состоит дело,
Чтоб сердце...
В добрых нравах утвердить, чтоб чрез то полезен
Сын твой был отечеству.

Писатель подчеркивает большую роль личного примера родителей («Часто дети были бы честнее, Если б и мать и отец пред младенцем знали Собой владеть и язык свой в узде держали»), дает трезвые и разумные советы в воспитании детей («младенцев»). Они нисколько не устарели. Недаром Белинский в свое время писал о сатире VII: «Эта сатира исполнена таких здравых, гуманных понятий о воспитании, что стоила бы и теперь быть напечатанною золотыми буквами; и не худо было бы, если бы вступающие в брак предварительно заучивали ее наизусть».

Восьмая сатира «На бесстыдную нахальчивость» посвящена скромности, добросовестности, отвращению от стяжательства. Характерны для Кантемира замечания о высокой творческой взыскательности писателя, который должен отрешиться от всяких корыстных или личных побуждений («Когда за перо примусь, совесть испытаю: Не с страсти ли я какой творцом стать желаю»). Худож-

ник уподобляется лекарю, осторожно и в сознании своей ответственности производящему операцию: «Когда стихи пишу, мню, что кровь пущаю». (Девятая сатира «На состояние сего света. К солнцу», как мы знаем, хронологически не последняя и примыкает к первым пяти сатирам.) Сатирические образы проходят через все рассмотренные произведения Кантемира. Фигурируют они и в данной сатире. Это, например, купец, который занимается мошенничеством, но «прийдет до иконы — Пол весь заставит дрожать, как кладет поклоны». Сатиры Кантемира вошли в сокровищницу русской литературы, они остаются замечательным памятником русского литературного языка XVIII в.

НУЖНЫ ЛИ ЗАИМСТВОВАНИЯ?

Этот вопрос в истории русского литературного языка возник не сразу. В петровскую эпоху значительно расширились международные связи России, произошли преобразования в государственном устройстве, армии, морском флоте, производстве. Возникали новые понятия, требовавшие немедленного наименования. Для этой цели использовались существующие в языке слова, но в немалой мере и иноязычная лексика. Заимствования являлись сравнительно легким способом подыскания нужного специального однозначного наименования. Наплыв заимствований в петровский период — факт общеизвестный. Однако неумеренное использование заимствований перегружало язык, и уже в первой половине XVIII в. вызывало тревогу у передовых деятелей. Трезвые взгляды по этому поводу находим и у Кантемира.

Писатель исходит из того, что русский язык «достаточно богат сам по себе» и нужно опираться в первую очередь на его собственные ресурсы. Заимствования, не являющиеся необходимыми, следует по возможности устранять и во всех случаях выдвигать, популяризовать равноценные русские наименования. В биографии Гуаско этот вопрос специально выделяется: «старался он [Кантемир] сколько возможно было избегать слов иностранных, которых другие в свой язык часто мешать обыкли». Вместе с тем Кантемир понимает объективный, в известной мере неизбежный характер заимствований,

дававших дополнительные терминологические средства русскому языку. В предисловии к «Разговорам» он пишет: «Приложил я к ней [книге] краткие примечания для изъяснения так чужестранных слов, которые и не хотя принужден был употребить, своих равносильных не имея, как и для русских, употребленных в ином разумении, нежели обыкновенно чинится».

В произведениях Кантемира заметно стремление сократить число заимствований, без которых можно обойтись. Если в ранних его произведениях (например, в «Некоем итальянском письме») заимствования часты, то в дальнейшем употребление их сокращается. Наглядный пример в этом отношении представляют исправления, сделанные Кантемиром при редактировании сатир. Кантемир в ряде случаев опускает иноязычные термины, заменяет их русскими.

Первая редакция	Вторая редакция
тут о *конъюнкции* двух планет хочет рассуждать завидливый (I)	при *соединении* двух планет
хотя анатомисты и знают тела *структуру* и состояние (I)	тела *состав* и состояние
в солнце только астрономы пятна *обсервуют* (I)	пятна с любопытством *примечают*
сего Сенеки имеются многие и почти лучшие из древних *моральные* книги (I).	*нравоучительные* книги.

В «Письмах Горация» заменены даже некоторые старые, известные уже заимствования — употребляются *домы зрелищные*, *позорище* вместо *театр*, *книгохранительница* вместо *библиотека*; Кантемир постоянно употребляет слово *песнь* вместо *ода*, *творец* вместо *автор*. Заимствования, встречающиеся у Кантемира, чаще всего имеют в языке того времени употребительные русские соответствия. Сам Кантемир использует как те, так и другие, нередко соотнося и взаимопоясняя их. Например, в «Разговорах» слово *философия* объясняется в примечаниях так: «*Философия*. Слово греческое, по-русски *любомудрие*». В дальнейшем у Кантемира можно найти оба слова — см. в «Письмах Горация» рядом стоящие фразы: «к одной только *философии* склонен», «сколь полезна людям в *любомудрии* прилежность».

Соответствия наблюдаются также между следующими заимствованиями и русскими словами: *интерес — польза, корысть*; *градус — степень*; *оригинал — подлинник, образец*; *фигура — начертание, изображение*; *фундамент — основание* и др. В этот период весьма распространено текстовое комментирование, пояснение непонятных (чаще всего иноязычных) слов. Словесные пояснения — в тексте, на полях, в подстрочных примечаниях были характерной приметой многих изданий. Роль иноязычно-русских соответствий и текстовых пояснений в литературном языке XVIII в. чрезвычайно велика. Фактически получалось, что в результате комментирования очень многие заимствования рассматриваемого времени (кроме таких специальных, как *фок-мачта*, *шахта*, *унция* и др.) почти непременно получали русскую «пару», которая служила пояснением или становилась действующим синонимом иноязычного слова. Происходила определенная «нейтрализация» заимствований. Поэтому даже в периоды интенсивного притока заимствований их доля и удельный вес в составе литературной лексики XVIII в. не выходили далеко за пределы средних показателей.

В некоторых случаях (в научных, книжных текстах) предпочтение могло отдаваться заимствованным словам как более «терминологичным». Например, в упоминавшихся академических Комментариях встречается в основном *астрономия* — соответствующее ему *звездозаконие* используется для пояснения первого. Кантемир употребляет слово *астрономия* как в первой, так и во второй редакции сатир. Из двух слов *привилегия* и *преимущество*, известных Кантемиру, в определенных контекстах принято только первое: «Подтвердить *привилегии* Академии наук» (сатира I, первая и вторая ред.), ср. в «Ведомостях» петровского времени (1719): «древние [города] вольности и *привилегии*».

Кантемир не избегает иноязычных слов. Утвердившиеся заимствованные термины он употребляет, хотя одновременно нередко предлагает для них замену. Употребительны у Кантемира *физика* (наряду с ним рекомендуется новообразование *естественница*), *метафизика* (рекомендуется *преестественница*). Обращают на себя внимание у Кантемира слова, в основном относящиеся к петровской эпохе и сравнительно редкие. Это *претендовать* (у Кантемира соотнесено с *требовать*), *кризес*, *ин-*

флуэнция, *объекция* (в «Разговорах» определяется: «предложение, противное какому другому предложению»), *имагинация* (Кантемир передает его значение словами — *умоначертание*, *мечтание*, *причудение*) и др. История некоторых таких слов обрывается к середине XVIII в. Другие слова (например, встречающиеся в разных источниках *процесс*, *конкурент*, *субстанция* и др.) позднее, в XIX в., появляются в литературном языке как бы вновь. Некоторые слова данного рода, несомненно, выполняли у Кантемира вспомогательную роль. По существу они русскими буквами воспроизводили интернациональные иноязычные термины, помогая отождествить с ними русские слова. Характерный пример — толкование латинизма *экспериенция* в «Разговорах»: «*Эксперизнция.* Искус, искусство, знание, полученное чрез частое повторение какого действа». Подобные разъяснения относились не столько к иноязычным словам, сколько к русским выражениям, рекомендуемым в пояснительной части. В дальнейшем развитии русского литературного языка XVIII в. вопрос, поставленный в заголовке,— нужны ли заимствования и как к ним относиться — уже не сходит с повестки дня. Решение его вызывало разные, подчас резко противоположные точки зрения. Нельзя не признать, что даже на фоне всей последующей истории вопроса подход Кантемира отличался чувством меры и пониманием существовавшей тогда языковой ситуации.

«СРЕДОТОЧИЕ» — ЦЕНТР

Слово *средоточие*, как можно полагать, создано Кантемиром или представлено у него самыми первыми примерами. В значении «центр» к тому времени фигурировало несколько наименований — в том числе заимствование *центр* (или *кентр*), слова и сочетания *среда*, *средина*, *средняя точка* и др. В современной писателю учебно-научной литературе заимствование *центр* было обычным. Например, встречаем его в «Арифметике» Л. Магницкого (1703), по которой учился еще Ломоносов: «Колико будет с единого угла через *центр* к противному полю». У Кантемира в одинаковых условиях могут употребляться *центр* и другие слова: «Солнце находится в *центре* всего мира» и «Солнце находится в *средине* всего мира» («Разго-

воры»); см. еще один сходный контекст в «Книге мирозрения» Гюйгенса: «В первейшей фигуре есть *средняя точка* солнце».

Не удовлетворяясь имеющимися наименованиями, Кантемир в «Разговорах» выдвигает новый термин — *средоточие*. Писатель употребляет его в тексте «Разговоров», а в примечании соотносит с другими распространенными тогда словами: «Она [земля] обтекает великий круг около солнца. Смотрю убо на *средоточие* того круга и вижу там солнце». Вот примечание к этому отрывку: «*Средоточие*. Средняя точка, центр». В «Разговорах» новое слово встречается неоднократно; замену *центр* на *средоточие* можно заметить при редактировании сатир Кантемира: «Земля [по некоторым учениям] вместо *центра* всего система имеется» (сатира I, первая ред.) — вместо *средоточия* (вторая ред.).

Введение и популяризация нового слова не означали для Кантемира отбрасывания других употребительных наименований. Писатель продолжает применять их. Но наряду с заимствованием он считает нужным представить возможную его замену или эквивалент. Сложное слово *средоточие* образовано на основе словосочетания *средняя точка*, слов *среда*, *точка* и других по типу издавна существующих в книжнославянской письменности слов *средоземлие*, *средоградие*, *средовечие* и др. Правда, уже в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. такие слова отмечаются как устарелые («старинные»), но *средоточие* сохраняется благодаря особым закрепившимся в нем смысловым оттенкам.

До конца XVIII в. *средоточие* встречается сравнительно редко, напротив, слово *центр* — на всем протяжении столетия. Оно выступает в разных случаях — при определении пространственного положения предмета (как в примерах выше) и в расширительно-переносном смысле. Так, *центр* употребляется при обозначении физических сил: «*Центр* тяжести [тела], *центр* сил («Содержание ученых рассуждений», 1748—1754), при указании на сосредоточенность деятельности: «Город Тир... был *центр* (средина) всякой коммерции» («Савариев лексикон», 1747). Слово представлено в отвлеченных контекстах, например, в статьях Сумарокова: «Здравым рассуждением приближаемся мы к *центру* познания».

Употребление слова *средоточие* в XVIII в. в основных чертах совпадает со словом *центр*. Например, оно выступает в трактате Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии», насыщенном славянизмами: «В душе яко в *средоточии* зажигательного зеркала»; в «Письмах русского путешественника» Карамзина: «Пристань, *средоточие* всемирной торговли». Но основными для данного слова становятся именно отвлеченно-переносные контексты, круг которых в конце XVIII — первой трети XIX в. шире, чем у *центр*: *средоточие* чувственности, *средоточие* истины, *средоточие* нравственного мира, *средоточие* учености. В позднем переводе «Разговоров» (1802) слово *средоточие* иногда заменяет прежние наименования: Отсылает ее [землю] далече от *средней точки* сего мира (Кантемир) — от *средоточия* Вселенной (1802).

В русской литературной лексике XIX—XX вв. оба слова — *центр* и *средоточие* — используются как синонимы. Установившееся еще ранее контекстуально-стилистическое разграничение этих слов в целом сохраняется и далее. Слово *центр* сейчас более «универсально» и выступает в разных контекстах — пространственных, расширительных и переносных (*центр* города, *центр* производства, *центр* внимания). *Средоточие* при указании пространственных отношений в современном языке не употребляется.

«КРИТИКИ» — «ОСТРЫЕ СУДЬИ»

Слово *критик* и другие, о которых пойдет речь ниже, представляют еще одно, иное по сравнению с предыдущим, решение вопроса о новых словах. Прототипы слов *критик*, *критика* в русском и остальных европейских языках — это лат. criticus «ценитель», греч. и лат. critice — «способность разбирать, критика». Данные о возникновении указанных слов в русском языке пока очень приблизительны. Так, по сведениям «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера слово *критик* существует «с середины XVIII в.» (со ссылкой на Д. Д. Благого), а *критика* — «с Тредиаковского».

В свою очередь, в «Истории русской литературы XVIII в.» Д. Д. Благого (издание 1951 г.) для подтверждения приведенной датировки использовано свидетель-

ство Кантемира — его сатира VII (1739), где в значении «критик» применяется описательное выражение *острый судья*: «Не один *острый судья*, знаю, зубы скалить, Злобно улыбаяся, станет». В примечании писатель прямо сетует на отсутствие более определенного термина: «*Острый судья*. Именем судьи здесь разумеется всяк, кто рассуждает наши дела; французы имеют на то речь critique, которой жаль, что наш язык лишается».

Тем не менее возникновение слова *критик* связано все же с Кантемиром. Несколькими годами позже в примечаниях к «Письмам Горация» писатель вводит недостающий термин: «*Судьи*, кои о состоянии и доброте книг судят, *критиками* называются у латин и других народов». Слово неоднократно употребляется в тексте, например, в следующем описании эпизода литературной борьбы античных авторов: «Его суперник, видя, что Гораций употребляет против него суд *критиков*, противополагает суд же других *критиков*, которые его мнение защищают». Слово быстро распространяется и с середины XVIII в. выступает в произведениях разных авторов.

Появляется также слово *критика* и почти одновременно *критиковать*. Слово *критика* имеет два значения — «жанр выступления» и «акт критики». Оно встречается не только у Тредиаковского, как предполагалось до сих пор, но и в других источниках, причем раньше — в «Ежемесячных сочинениях», у Сумарокова, в письмах Фонвизина и т. д. Даже убежденный противник заимствований А. С. Шишков употребляет слово *критика* как совсем обычное. Дополнение к его главной работе, где собраны возражения против карамзинистов, так и называется: «Прибавление к сочинению, называемому «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», или собрание *критик*, изданных на сию книгу, с примечаниями на оные» (СПб., 1804).

Любопытно, что в XVIII в. некоторые прилагательные на *-ический* возникают раньше других однокоренных образований. Так, *критический* «содержащий оценку» (как и *моралический*, *аналитический*, *аналогический* и др.) встречается еще во времена Петра I до слов *критик*, *критика* — в сочетаниях типа *критическое описание*, *рассуждение*, *наблюдение* и т.д. Лишь потом *критический* (и другие подобные слова) осознается как производное от *критик*, *критика*. Во второй половине XVIII в. на-

ряду с *критический* от *критика* появляется его омоним — *критический* от *кризис* (см. выше). В «Словаре Академии Российской» они рассматриваются еще как разные значения одного слова.

Столь распространенное сейчас в разговорно-литературном языке употребление слова *критика* (соответственно *критик*, *критиковать*) как «хуление, осуждение» — при строго нормативном значении «компетентный разбор, оценка» — возникает также в XVIII в. Еще в четырехъязычном «Новом лексиконе» (1755) находим слово в следующем ряду: Critique, criticus, censor. Переговорщик, охуждатель, пересудчик, *критик*». А «Словарь Академии Российской» отмечал, что и слово *критика* так «иногда, хотя и неправильно употребляется». Ныне в быту мы нередко встречаем: *его покритиковали* в смысле «его упрекнули в чем», *критические* [т. е. укоряющие] *замечания.*

Другой пример слова, сразу же «принятого» Кантемиром,— *характер*. Написание и произношение слова в русском и других языках основаны на греческом и латинском character, но по смыслу оно при своем возникновении наиболее сходно с французским словом caractère. На первых порах в смысловых свойствах слова наблюдаются различия. В начале XVIII в. оно известно в значении «качество, должность, ранг» — часто о послах («министрах»); наряду с ним употребляются *квалитет*, *достоинство* и др. Вот сообщение в газете «Ведомости» (1719): «Граф Т. имянован от королевы ехать к Венскому двору в *квалитете* чрезвычайного ее посланника. А граф Б. имеет ехать к французскому двору с таким же *характером*». Слово имеет, кроме того, общее значение признака и синонимично слову *знак*; например, в научном тексте рассматриваемого времени: «особливый характер, или знак, некоторой планеты».

Эти свойства, унаследованные словом *характер* от своих прототипов, еще не связаны прочно между собою. Они бытуют на протяжении XVIII в., но со временем отпадают. Устойчивыми в слове оказались другие значения, возникшие тогда же. Это прежде всего «индивидуальные свойства, особенности человека». Например, в письме 1757 г. Ломоносов так отзывался о бюрократе Шумахере: «Первое, что он человек опасный и подал... худые примеры своего *характера*». В середине — второй

половине XVIII в. слово широко распространяется в значении «отличительные особенности чего-либо». Сочетаемость слова при этом широка. В произведениях Тредиаковского находим примеры: «Род жизни, согласный *характеру* своего разума; *характер* истинной мудрости; страх и явная сила есть собственный *характер* войны». В названии одного из изданий (1788): «*Характер* добродетелей, или *свойство* их, украшенное разными цветами древних и новых сочинителей».

Весьма рано обнаруживается еще одно значение слова *характер*, распространение которого связано с Кантемиром,— «образ, тип» и «обобщенные черты людей, выраженные в литературе и искусстве». Писатель неоднократно употребляет слово, например, в таких случаях: «Все *характеры*, которым я смеюся, суть злых, а не добрых людей *характеры*» (сатира V, пред., первая ред.). Такие же примеры находим у других авторов XVIII в.— см. в журнале «Трудолюбивая пчела» (1759): «В баснословии *характеры* всех лиц пребывают непременны».

Дальнейшее распространение слово получает в журналистике первых десятилетий XIX в.: «В разборе сей трагедии он показывает, как хорошо выдержаны *характеры*» («Лицей», 1806); отзыв о творчестве самого писателя «Искусство [Кантемира]... в изображении *характеров*» («Вестник Европы», 1810). Тогда же встречается употребление слова в значении отдельного лица: «Представить, т. е. изобразить этот великий *характер*» («Вестник Европы», 1811). В XIX в. как синонимы к слову *характер* возникают и входят в литературное употребление термины *образ*, *тип*, еще ранее употребляется *нрав*; таким путем расширяются смысловые связи слова *характер*, вместе с тем новые выражения, закрепляя за собой некоторые значения, способствовали большей семантической определенности слова *характер* в современном языке.

«ВКУС В ПЛАТЬЯХ»

У слова *вкус* значение «разборчивость, понимание (чего-либо)» возникает в первой половине XVIII в. Слово в данном значении или введено в обиход Кантемиром, или представлено у него самыми ранними примерами. Во всяком случае писателю принадлежит толкование

и популяризация нового смысла слова. Описывая во второй сатире (первая ред.) щеголя-дворянина, он восклицает: «*Вкус* в платьях опять кому больше есть знакомый?» Выражение *вкус в платьях*, звучавшее в то время очень необычно, писатель разъясняет в примечаниях, соотнося с франц. goût: «*Вкус* только в кушаньях говорят; а тут, кажется, для того употреблено слово сие, что щеголям оно обычайно с французского языка, в котором если хотят похвалить, что платье какое искусно выдумано и прибрано хорошо, то говорят: это платье хорошего *вкусу*». В той же сатире слово употребляется еще раз в сочетании с предлогом *по*: «Растрелли столь искусно не весть строить домы, Как ты кафтан по *вкусу*, по времени года».

В современном Кантемиру «Немецко-латинском и русском лексиконе» Э. Вейсмана (1731) *вкус* определяется только в прямом смысле («в кушаньях»). Разумеется, сейчас можно логически представить смысловую связь и переход одного значения в другое (*вкус* «ощущение при еде» > *вкус* «восприятие, опробование эстетическое»). Однако практически новое значение не прямо вытекало из старого, а наслаивалось на прежнюю семантику слова. *Вкус* — образование, близкое к так называемым семантическим калькам. Кантемир и в данном случае сумел как бы предугадать ход дальнейшего развития слова. В новом значении *вкус* быстро распространяется. Примеры его обычны в «Ежемесячных сочинениях» (1755): «*Вкус* наш происходит от многого читания сочинителей»; в статьях Сумарокова: «Разные у людей мысли, так разные по разности *вкуса* умствования»; у профессора Московского университета А. А. Барсова: «*Вкус*, учтивство в обхождении»; в «Письмах русского путешественника» Карамзина: «Эстетика есть наука *вкуса*».

О расширяющейся сочетаемости слова в XVIII—XIX вв. свидетельствуют определения, с которыми оно начинает употребляться, — *хороший*, *изящный*, *тонкий*, *чистый*, *здравый*, *естественный*, *народный*, *философский* и др. А. С. Шишков, критически рассматривавший слово в своем «Рассуждении», допускал расширительное употребление его (*вкушать пищу* — *вкушать утехи*) и признавал «непротивными» духу русского языка выражения: у всякого свой *вкус*, это платье не по моему *вкусу*. Как мы видели, сочетания слова *вкус* с предлогом *в* (*вкус в платьях*) свободно употребляет еще Кантемир. Остальные конструк-

ции со словом также получили достаточно самостоятельное развитие в русском языке. Так, в предисловии к журналу Н. И. Новикова «Пустомеля» (1770) говорилось: «Правильно и *со вкусом* критиковать так же трудно, как и хорошо сочинять»; в литературных обзорах того времени встречаем: «Поэма *во вкусе* древних рыцарей».

Любопытны первоначальные способы выражения понятия «безвкусный», «безвкусие» в эстетическом смысле. Это слова *невкусный* (в «Политическом журнале» 1796 г. находим пример «его известия совершенно не *вкусны*», т. е. плохо и без знания дела изложены), *без вкуса* (в альманахе «Мнемозина» 1824 г.: «В творениях поэтов *без вкуса* истинный огонь почти гаснет в дыму»). Наконец, встречаются и современные нам *безвкусный* (в журнале «Вестник Европы» 1826 г.: «*Безвкусная* пестрота одежды») и *безвкусие* (в «Энциклопедическом лексиконе» Н. Плюшара 30-х годов XIX в.: «Доказывал собственное свое *безвкусие*»). К середине XIX в. в литературном языке утверждаются основные, свойственные современному языку слова данного гнезда, их значения и сочетания.

ЧЕЛОВЕК С ПОНЯТИЕМ

Слово *понятие* в современном смысле появляется в первой половине XVIII в. Смысловые сдвиги в слове позднее дополнились стилистическими изменениями, что в существенной мере преобразило облик слова. В настоящее время оно имеет литературные значения — «мысль об общих (существенных) свойствах предметов и явлений» (*отвлеченное понятие*, *понятие теплоты*), «представление о чем-либо» (*составить о чем-либо четкое понятие*) — подробнее см. «Словарь современного русского литературного языка», т. X. М.—Л., 1960.

Однако известно еще одно значение, отличное от перечисленных и отмечаемое ныне как просторечное,— «то же, что понимание; разум, рассудок» (определение из указанного словаря, там же помета «просторечное»). Это значение в современном языке иллюстрируется примерами, где слово используется как «разум, способность понимать»: «Вот лошадь тоже друг человека, только она *понятия* не имеет, а собака — она все *понимает*» (Ф. Гладков. Лихая година). К разговорно-просторечной сфере

относится атрибутивное сочетание *с понятием* — о толковом, рассудительном человеке: *он человек с понятием*; в противоположном смысле — *без понятия*: «Девочка она была малая, *без* всякого *понятия*, дороги не знала и бежала так, куда глаза глядят» (А. П. Чехов, Происшествие).

Между тем именно современное просторечное значение «способность к рассуждению, пониманию» исторически является в слове исходным, начальным. В начале XVIII в. существительное *понятие* (или *поятие*) означало только «понимание», «усвоение». Оно основывалось на соответствующем значении глагола *по(н)яти*, который в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского отмечается как «понять», «постигнуть». Например, в переводе XV в. римского историка Иосифа Флавия: «Могущи *поняти* величество [т. е. огромность] толикой брани». В «Арифметике» Магницкого (1703) рассматриваемое слово встречается в таких случаях: «Ради лучшего *поятия* [т. е. понимания] во исчислении; *Поятие* [т. е. усвоение] обучения». Аналогичные примеры находим в «Географии генеральной» (1718), изданной переводчиком и лексикографом Ф. Поликарповым: «В вещах физических (сиречь естественных) глаголят по мнению и *поятию* [т. е. пониманию] народа общего».

Одновременно слово втягивается в круг наименований со значением «представление, мысль (о чем-либо)». Уже с начала XVIII в. здесь использовались слова *идея* (*идеа*), *мнение*, *знание* и др. Существительное *понятие* прочно закрепляется в данном смысле и составляет в дальнейшем постоянный синоним к *идея*. Смысловой переход в слове *понятие* при этом можно представить следующим образом: «понимание, воображение» > «представление о чем-либо, воображение чего-либо».

У Кантемира слово *понятие* встречается в обоих значениях — «разумение, понимание» и «мысль, представление». Примеры к первому значению находим, например, в его «Песнях»: «Он нам к *понятью* дал разум отверзтый»; в философских «Письмах»: «Тело никакого *понятия* [т. е. способности к мышлению] не имеет». Ко второму значению: «Смешное *понятие* многих людей о мире» («Разговоры»). Кантемиру принадлежит заслуга распространения слова *понятие* — в примечаниях к «Разговорам» он прямо соотносит его с *идея* и рекомендует к употреблению: «Я бы *идею* назвал по-русски *понятием*».

В дальнейшем слово *понятие* широко распространяется, прежде всего в значении «мысль, представление (о чем-либо)». Оно выступает в конструкциях с предлогом *о* (*понятие о мире*) и с дополнением в родительном падеже без предлога (*понятие добродетели*). Однако и первое значение «понимание, разумение» сохраняется в употреблении. Еще «Словарь Академии Российской» ставит его вначале, а новое значение на втором месте — последнее в словаре определяется как «мысль, воображение» и снабжается звездочкой (*) как производное. У Пушкина это слово в значении «способность понимать, интеллект», по сведениям «Словаря языка Пушкина», употребляется в 10 случаях из 96, а в основном используется в значении «представление, мысль о ком-либо, чем-либо». В отрывке «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825) Пушкин употребляет слово в первоначальном смысле: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою *понятия*, Ломоносов обнял все отрасли просвещения».

И лишь на протяжении второй половины XIX в. старое значение постепенно угасает — оно сохраняется в сильно сокращенном виде во внелитературной, разговорно-просторечной среде. В современном языке это чаще всего стилистически осознанные средства литературно-художественного, публицистического и устного выражения.

ЖИВАЯ РЕЧЬ И «ПРОСТОТА» СЛОГА

В первые десятилетия XVIII в. быстрыми темпами совершается демократизация русского литературного языка. В результате происшедших преобразований книгопечатание переведено с кириллической на более простую, так называемую гражданскую азбуку. Резко возрос объем книжной продукции, расширился круг читателей. В этих условиях старый книжнославянский (церковнославянский) язык, слишком далекий от живой речи, не мог полностью удовлетворить новые потребности общения. На протяжении XVIII в. наблюдается синтез основных частей общенародного языка, легших в основу единого национального литературного языка. Творчество Кантемира и его современников демонстрирует существенные ступени этого сложного процесса.

Еще у Петра I находим требования писать «просто», чтобы каждому было «внятно». В первую очередь это относилось к деловым документам, появлявшимся публицистическим и научным сочинениям. Кантемир в сатирах и других местах неоднократно говорит о своем стремлении писать (сатиры) «простым и народным почти стилем», «приближаться к простому разговору», свою сатиру IV он ценил особенно «за простоту слога». Исследователи отмечают достижения Кантемира в данном направлении. Академик Я. К. Грот в статье, посвященной «Толковому словарю» Даля, писал: «После Петра Великого особенно Кантемир знал цену народной речи и умел ею пользоваться». Однако самое понятие «простой» для этой эпохи не было однородно. В XVIII в. характер языкового выражения еще существенно зависит от жанра произведения.

Кантемир старается освободить свои сочинения от излишних славянизмов и устаревших слов. Достаточно сравнить «славенороссийский» (по его собственному выражению) язык ранних его переводов и остальные, резко отличные в этом отношении его произведения. Особенно показательны с данной точки зрения сатиры Кантемира: ведь в стихотворном тексте славянизмы закреплялись легче всего. Тем не менее при редактировании сатир писатель последовательно устраняет резко окрашенные славянизмы. Например, сатира III в первой редакции содержала такие архаические элементы, как старые союзы *яже*, *иже* в косвенных падежах, отжившие глагольные формы аориста *откры*, *показа*, *бысть*, слова *исперва*, *днесь*, *исполняют*[23], форма среднего рода местоимения и прилагательного с обобщенным значением *вся сокровенна*. Во второй редакции они в основном заменяются на русские слова и формы или опускаются: *ему же* — *которому*, *яже* — *что*, *откры* — *открыла*, *показа* — *показала*, *вся сокровенна* — *свои тайны все*.

Мало явных славянизмов среди терминологических нововведений в прозе писателя (характер прозаических произведений Кантемира располагал к более нейтральному изложению), хотя славянокнижный фонд используется и здесь в качестве одного из ресурсов — ср. слова *тварь*, *ватага*, *песнь*, *средоточие* и др. Однако было бы ошибочно отождествлять славянизмы с заимствованиями. Славянизмы в XVIII в. никогда не рассматривались

[23] Наполняют.

как нечто чуждое или инородное в русском языке. Родственная русской старославянская лексика могла восприниматься даже как опора в борьбе против неоправданных западноевропейских заимствований и неудачных неологизмов. Долгое время — на всем протяжении XVIII в. — слявянская лексика служила необходимой принадлежностью высокого стиля, произведений торжественных, возвышенных по содержанию. И в стихотворениях Кантемира, относящихся именно к этому стилю (««штилю»), славянизмы отнюдь не устраняются, сообщая изложению приподнятый характер. Так написана, например, поэма «Петрида», переложения псалмов («Дондеже и аз сия постигох...»). Славянизмы могли использоваться в книжной и стихотворной речи Кантемира и без специальных стилистических установок, см. неполногласные формы типа *глава* (голова), усеченные прилагательные *полосата* (полосатая), *права* (правая), *лева* (левая), инфинитивы на *-ти* типа *играти*.

Сатиры относились, напротив, к низкому «штилю», и уже в силу этого лексический состав их был иным. На это указывает сам Кантемир: «Подлинно автор всегда писал простым и народным почти стилем, в чем, мне мнится, последовал он стихотворному правилу, которое велит, чтоб сатиры были просты» («Речь к императрице Анне»). Сатира, бичующая пороки, выставляющая на осмеяние отрицательные типы, сродни народной комедии, которая, как замечает Кантемир, изначала была «груба». Таким образом, по законам жанра сатира должна была писаться сниженным слогом. Однако само это «снижение» достигалось разными языковыми и неязыковыми средствами.

Прежде всего это означало решительный поворот к живой речи, свойственным ей словам и выражениям. Кантемир использовал в сатирах фольклорный материал [24] — пословицы, поговорки и сам писал в подобной манере. Пословицы естественно и органически вплетаются в текст кантемировых сатир, иногда отчасти меняя свою форму. Некоторые из них разъясняются в примечаниях. Например, в сатире VII: «*Вилами по воде писать* — русская пословица, значит то же, что *напрасно труд свой терять*, понеже

---

[24] Писатель был знаком с такого рода произведениями — помимо непосредственного наблюдения у него упоминаются, например, повести о Бове-Королевиче и Ерше Ершовиче, историческая народная песня о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне.

на воде букв изображение удержаться не может». Другие пословицы и поговорки, приведенные дословно или отчасти измененные, содержатся в разных местах сатир: *исправит горбатых могила* (V), *аза в глаза не знает* (IX), *мед держи на языке, а желчь всю прячь в грудях* (IV) и др. Некоторые из них сейчас уже неупотребительны, например: *лепить горох в стену* «делать бессмысленное дело» (сатиры I, VII). В сатирах рассыпано немало выражений, свойственных разговорной речи,— *с доски до доски* (*прочесть что*) — IV, *слово за слово* (V), *на ногах* («утро все торча на ногах», VI), с *петухами* («с петухами пробудясь», VI), *голы все то враки* (I), *то ль не* («то ль не житье было мне», V).

Не менее интересно в этом отношении и собственное творчество Кантемира. Особенностью его слога является афористичность — он прибегает к выражениям и высказываниям, ярко и образно формулирующим какую-либо мысль. Таких примеров у писателя гораздо больше, чем прямых пословиц. Они очень характерны для Кантемира и сами просятся в пословицы. Подобные обороты часто рождаются при образных сравнениях; они и содержат, как правило, сравнение или сопоставление. Приведем хотя бы частичный перечень их в сатирах: «Короток жизни предел — велики затеи» (V); «Было б кому работать, без конца работа» (IV); «Пример наставления всякого сильнее» (VII); «Ползать не советую, хотя спеси гнушаюсь» (II), «Дрова метая в огонь, пожар гасить трудно» (V); «Вино должен перевесть, кто пьяных не любит» (V); «Кто всех бить нахалится, часто живет битый» (VI); «Скорлупой не вычерпнешь всю морскую воду» (III); «Сидя в теплой избе, бранить ветры злые» (IV); «Не делают чернца одни рясы» (IV).

Подобные фразы у Кантемира нередко входят в развернутые сравнительные обороты, завершая их и создавая яркий, обобщенный образ. В сатире IV писатель сетует, что хвалебные стихи («хвалы») у него не получаются, лишь в сатирах он чувствует творческое вдохновение: «Проворен, весел спешу, как вождь на победу. Или как поп с похорон к жирному обеду». Еще пример — о бездельнике и моте, который не может жить без развлечений (сатира II, первая ред.): «Легче дьяку не рыгнуть, тёши в щах поевши, Писцу не чесать главу, на край стула севши».

Слова грубоватые и просторечные чаще встречаются при изображении отрицательных явлений и лиц, подчеркивая отношение к ним автора. Вот строки, рисующие епископа (имелся в виду известный обскурант Георгий Дашков): «В карете *раздувшися*, когда сердце с гневу *Трещит*, всех благословлять нудь [т. е. понуждай] праву и леву [руку]» — сатира I. О болтуне и сплетнике: «Встретит ли тебя — тотчас в уши вестей с двести *Насвищет*» (III). Известная строка о пьянице и невежде: «Румяный, трожды рыгнув, Лука подпевает» [присоединяется к разговору] — I. Характеру изображаемого соответствуют также слова и выражения — *плюнь ему в рожу*, *врет околесну* (I), *безмозглый*, *развесить уши*, *грязь по уши*, *с ума сошел*. Сюда же можно отнести собственно просторечные — *нутко* («Нутко, сел в кости играти», V), *инде*, *вишь*, *ин*, *намедни* и др., нередкие в устном обиходе того времени.

Подобные слова встречаются и в речи автора. Они придают речи непосредственность, разговорность. Примерами могут служить частые у Кантемира — *врать*, *потеть*, *трудиться*, *стараться*, *пялить глаза* (*бровь*). Ср. сниженный контекст: «жадно *пялит* с под лба глаза на круглы груди» (III), но то же слово может встретиться и в нейтральном, рассудочном изложении: «Чутко ухо, зорок глаз новый житель света *Пялит*» (VII).

Кантемир внес большой и заметный вклад в дело упрощения и демократизации литературного языка, сближения его с живой речью. Это проявилось не только в стихах (сатирах), но также в прозе писателя и состояло среди прочего в уменьшении числа заимствований, славянизмов, упрощении и сокращении синтаксических конструкций, грамматических форм. Конечно, потребовалось немало времени, чтобы полностью реализовать эти установки, но существенно, что уже в XVIII в. они осознавались вполне четко.

ХАРИТОН МАКЕНТИН О СЛОЖЕНИИ СТИХОВ

В середине 1744 г. Академия наук издала книгу, где под одной обложкой помещались две работы Кантемира — 10 «писем» Горация, присланные Кантемиром для напечатания еще в 1740 г., и теоретический трактат о стихо-

сложении, называвшийся «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских». Харитон Макентин — это сам Кантемир, вернее анаграмма из букв его имени и фамилии. «Приятель» — друг писателя Н. Ю. Трубецкой, любитель литературы (ему посвящена, как мы уже говорили, сатира VII о воспитании). Как явствует из предисловия, приятель обратился в конце 1742 г. к Кантемиру с просьбой высказать свое мнение по поводу книги В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735). В начале 1744 г. Кантемир написал свой ответ — трактат и в феврале этого года представил его в Академию наук. Просьба Трубецкого послужила для Кантемира лишь поводом к изложению взглядов, уже сформировавшихся у него и практически примененных.

Тредиаковский в своей работе впервые выступил с пересмотром господствовавшей до того силлабической системы стихосложения. Однако его предложения по введению нового, топического (т. е. основанного на ударении) принципа не были достаточно убедительно подтверждены его собственным творчеством и не получили сразу признания. Лишь гениальному Ломоносову удалось и теоретически, и практически утвердить эту новую систему.

Кантемир воспитывался и работал в эпоху, когда силлабика была жива; сам он до сих пор считается одним из классиков этого вида стихосложения [25]. Вместе с тем Кантемир как никто другой осознал ограниченность старых силлабических форм и сделал все возможное, чтобы приспособить их к новым общественным потребностям. На это указывают все обращавшиеся к творчеству Кантемира. Жуковский писал: «по языку и стопосложению наш сатирик должен быть причислен к стихотворцам стариннным, но... по искусству он принадлежит к новейшим и самым образованным». В творчестве Кантемира отразился расцвет и одновременно закат силлабики, решительный поворот к современной нам тонической системе.

---

[25] См. вступительную статью И. Н. Розанова к сборнику русских силлабических произведений: «Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков». Л., 1935; статьи С. М. Бонди в кн.: *Тредиаковский*. Стихотворения. М., 1935; Б. В. Томашевского в сб.: «Труды отдела новой русской литературы», т. 1. М.—Л., 1948.

НОВЫЙ И КРАТКІЙ

СПОСОБЪ

КЪ СЛОЖЕНІЮ РОССІЙСКИХЪ СТІХОВЪ

СЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯМИ

ДО СЕГО НАДЛЕЖАЩИХЪ ЗВАНІЙ.

ЧРЕЗЪ

ВАСІЛЬЯ ТРЕДІАКОВСКАГО

С. ПЕТЕРБУРГСКІЯ ІМПЕРАТОРСКІЯ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

СЕКРЕТАРЯ.

Печатано въ Санктпетербургѣ при Імператорской

Академіи Наукъ

MDCCXXXV.

Титульный лист сочинения В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов»

«Силлабические» (от лат. syllaba «слог») стихи, или «вирши», основаны на одинаковом числе слогов в строке и обязательной рифме. Они получили распространение в Польше, на Украине и в русской поэзии конца XVII — первой трети XVIII в. Крупнейшими представителями этого вида творчества явились у нас Симеон Полоцкий, Феофан Прокопович, Кантемир. Распространенным был 13- и 11-сложный стих, но использовались и более короткие размеры. В трактате Кантемира рассматриваются стихи от 13 до 4 слогов. Сам Кантемир применял в сатирах 13-сложник с женской парной рифмой (а́а, с ударением на предпоследнем слоге) — наиболее полный и характерный (так называемый героический) вид силлабического стиха. Таким обычным размером написаны первые пять сатир (1729—1731). Однако позднее (как полагают исследователи, к 1740 г.) Кантемир вносит существенные изменения в правила силлабики и вырабатывает собственную манеру стихосложения. По-новому он пишет последующие сатиры и перерабатывает прежние.

Два обстоятельства могли повлиять на это. Прежде всего — осознание общественной значимости поэзии, необходимость более живых, простых и доходчивых форм выражения. Кроме того, материалом для размышления послужила упоминавшаяся работа Тредиаковского, с которой он, вероятнее всего, был знаком еще раньше (Тредиаковский в книге неоднократно упоминает Кантемира и изложение «героического» стиха строит на примере его сатиры I). Кантемир писал трактат, имея непосредственно в виду работу Тредиаковского и следуя ее изложению, поэтому зачастую параграфы трактата по содержанию полемичны, хотя имеют вид законченных формулировок.

Тринадцатисложные строки, скрепленные только рифмой, были монотонны. Кантемир делит строку на две неравные части (чтобы избежать распада стиха на две независимые половины: 7 + 6 слогов. Между ними обязательна цезура (лат. cesūra) —«пресечение»,—отмечаемая паузой. Новшество состояло в том, что первая часть строки у Кантемира получает дополнительную внутреннюю организацию — 7-й или 5-й слог должны быть ударными, а 6-й всегда безударным. Таким образом, при наличии цезуры минимум 4 (или 5) определенных слога в строке фиксировались ударением, создавая

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА

ДЕСЯТЬ ПИСЕМЪ

ПЕРВОЙ КНИГИ

переведены

съ Латинскихъ стиховъ на Рускіе

и примѣчаніями изъяснены

отъ

знатнаго нѣкотораго охотника до стихотворства

съ пріобщеннымъ при томъ письмомъ

о сложеніи Рускихъ стиховъ

Печатаны въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1744 года.

Титульный лист книги, содержащей «Письмо Харитона Макентина»

ритмический рисунок, напряжение. Конечно, манеру чтения сатир сейчас трудно воспроизвести совершенно точно. Вот начало сатиры VI «О истинном блаженстве», которое приводил в качестве примера сам Кантемир (§ 27); здесь имеются строки с ударением в первом полустишии на 7-м и 5-м слоге. Цезуру обозначаем знаком тире (—).

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 12 13
Тот в сей жизни лишь блӑже́н — кто малым дово́лӗн,
В тишине знает про̆жи́ть,— от суетных во́лӗн
Мыслей, что мучат дрўги́х,— и топчет наде́жнў
1 2 3 4 5 6 7 8 9 12 13
Стезю доброде́тӗлй — к концу неизбе́жнў.

Тредиаковский называл силлабические стихи «прозаичными». Подлинные стихи, считал он, могут быть только тоническими, нужно «мерять стих... стопами, а не слогами». Так писали античные поэты, не знавшие рифм. Когда позднее изобрели рифму, забыли тонический (ударный) принцип. Сейчас нужно, заключал Тредиаковский, возродить тонику, но сохранить и рифму. Предложение это было по тому времени, безусловно, прогрессивным, но практически недостаточно подкрепленным. Тредиаковский различал только «двосложные» стопы — спондей (— —), пиррихий (◡◡), хорей (— ◡) и ямб (◡ —); трехсложные стопы им отвергались (позднее Тредиаковский признал и их). В качестве примера тонической организации стиха Тредиаковский приводил строку из Кантемира «Уме слабый, плод трудов недолгой науки», отчасти измененную им и представленную в 6 стопах разного рода:

7
ӯм то̄ль | сла̄бы̆й | пло̄д тру|дов — кра̄ткй|я̆ на̄|ӯкй

Хотя Тредиаковский полагал, что в таком виде стих «весьма приятно падает», Кантемиру он не понравился. «Стоп рассуждение не нужно» (§ 20), — решает он и старается разными способами усовершенствовать стих на старой основе. Нельзя не признать, что его попытки во многих отношениях оказались удачными.

В силлабических стихах строки, как правило, обладали относительной смысловой цельностью. Не рекомендовалось переносить мысль из одной строки в другую, кончать ее в середине строки (Тредиаковский исключал

такие «переносы»). Кантемир, напротив, не только разрешает («Перенос позволен», § 22), но и широко пользуется переносом. Сплошь и рядом строка у него оказывается по смыслу и синтаксически незаконченной, переходя в другую. Интересна мотивировка этого в трактате Харитона Макентина. Перенос рассматривается как «украшение стихам», т. е. средство поэтической выразительности, экспрессии. «А весьма он [перенос] нужен, — пишет Кантемир, — в сатирах, в комедиях, в трагедиях и в баснях, чтоб речь могла приближаться к простóму разговору»; от обычных же силлабических строк происходит «неприятная монотония». Действительно, фразово-смысловой перенос, который Кантемир применяет во всех своих стихах, создает удивительную (для силлабических стихов, во всяком случае) естественность и выразительность стихотворной речи. Вот пример из сатиры VIII, где Кантемир говорит о литературном труде. Напомним, что кроме переносов соблюдаются еще цезура и фиксированные ударения; вертикальной чертой обозначаем смысловое членение фразы:

Кончав дело, | надолго — тетрадь в ящик спрячу; |
Пилю и чищу потом, | — и хотя истрачу[26]
Большу часть прежних трудов, | — новых не жалею; |
Со всем тем стихи свои — я казать не смею. |

Еще пример (сатира V), где изложение также приближено к живому повествованию:

Прибыл я в город ваш в день — некий знаменитый; |
Пришед к воротам, | нашел,— что спит как убитый Мужик с ружьем, | который,— как потом проведал, Поставлен был вход стеречь. |

Некоторые стихи Кантемира, и правда, можно назвать «прозаичными», но в хорошем смысле — они близки к простому повествованию. Вот мельком данная картина рассвета (сатира II):

Пел петух, встала заря, лучи осветили
Солнца[27] верхи гор...

Кантемир впервые широко применил в переводах Анакреонта и Горация стихи без рифм. О значении,

[26] Т. е. выброшу, забракую.
[27] Т. е. лучи солнца осветили.

которое придавалось этим опытам, можно судить по биографии Гуаско; там говорится (цитируем по изданию Новикова): они «по справедливости могут почесться за наилучшие сочинения в стихах тогдашнего времени». В этих так называемых свободных стихах Кантемир делает еще один шаг в сторону от традиционной силлабики. И здесь любопытно рассуждение автора (§ 5). Такие языки, как французский, имеют определенный порядок слов, и «украшением» (т. е. средством выразительности, организации стиха) там служит рифма. Русский язык (как и античные языки) имеет, кроме того, иные «украшения», в частности, возможность варьировать порядок слов.

Поэтому Кантемир считал возможным в некоторых случаях обойтись без рифм, опираясь лишь на одинаковое число слогов и фиксированное ударение в строке. Попутно заметим, что распространенный в стихах той эпохи непрямой, усложненный порядок слов — совсем не всегда результат неумения, «неуклюжести» авторов (он встречается у самых талантливых поэтов). Долгое время на протяжении XVIII в. это считается специфическим поэтическим приемом, как бы «поднимающим» стих, отличающим его от прозы.

Стихи из Анакреонта, действительно, одни из лучших у Кантемира по простоте, прозрачности слога. Приведем стихотворение «О своих гуслях», которое немногим позже (1738) перевел и Ломоносов — также без рифм, но правильными ямбами. Даем размер первых строк (у Кантемира он меняется на протяжении стихотворения, у Ломоносова остается неизменным):

Кантемир	Ломоносов
Хо̆чӯ я̆ Ӑтрӣдо̆в пе̄ть,	Хвӑлить хо̆чӯ Ӑтрӣд,
Я и Кадма петь хочу,	Хочу о Кадме петь,
Да струнами гусль моя	А гуслей тон моих
Любовь лишь одну звучит.	Звенит одну любовь [29].
Недавно я той струны	Стянул на новый лад
И гусль саму пременил;	Недавно струны все,
Я запел Ираклев бой —	Запел Алкидов труд,
В гусли любовь отдалась;	Но лиры звон моей
Ин прощай, богатыри [28],	Поет одну любовь.

[28] Кантемир употребляет *богатыри*. Ломоносов — *вожди*; в последующей переводческой практике применительно к античности утвердилось *герои*.

[29] Эта строка у Ломоносова повторяется (*звенит—поет*) и служит как бы рефреном, у Кантемира она не выделяется.

Гусль одни любви поет.

Прощайте ж нынь, вожди,
Понеже лиры тон
Звенит одну любовь.

Еще пример из Анакреонта — стихотворение «О любителях», которое переведено также Пушкиным:

Кантемир	Пушкин
Кони убо на стегнах [30]	Узнают коней ретивых
Выжженный имеют знак,	По их выжженным таврам;
И парфянских всяк мужей	Узнают парфян кичливых
По шапке может узнать.	По высоким клобукам;
Я же любящих тотчас,	Я любовников счастливых
Лишь увижу, познаю;	Узнаю по их глазам:
Того бо [31], что, бедные,	В них сияет пламень томный —
В сердце скрывают своем —	Наслаждений знак нескромный.
На лице видится знак.	

Стремление к естественности и простоте — насколько возможно в условиях старой стихотворной формы — было присуще творчеству Кантемира и выделяло его не только среди современников, но и некоторых позднейших писателей XVIII в. Карамзин в своей характеристике даже много десятилетий спустя обращает внимание именно на эту его особенность (Кантемир «писал довольно чистым языком»). Теоретические рассуждения и опыты Кантемира составили определенный этап в развитии русского стихосложения. Утверждение новой тонической системы связано прежде всего с именем Ломоносова, провозгласившего свои принципы уже в «Оде на взятие Хотина» и «Письме о правилах российского стихотворства» (1739—1740). Однако эти работы остались, по-видимому, неизвестны Кантемиру.

ЗАГАДКА «ПИСЕМ» КАНТЕМИРА

В научном наследии Кантемира особое место занимают его «Письма о природе и человеке». Собственно, так было названо это произведение, не имевшее заглавия, в двухтомнике под редакцией Ефремова, где оно впервые напечатано. До сих пор история «Писем» и обстоятель-

[30] Т. е. на бедрах.
[31] Того бо — ибо, потому что.

ства работы над ними Кантемира остаются неясными. Составители двухтомника использовали единственный известный им рукописный экземпляр «Писем» («Нам известна только одна рукопись этих писем», — констатируют они). Рукопись находилась тогда в петербургской Публичной библиотеке, куда она в свою очередь попала в 1830 г., когда была куплена у московского библиофила А. Ф. Толстого. Еще раньше рукопись побывала у нескольких лиц и получила известность; в журнале «Вестник Европы» (1811, № 19) было опубликовано первое «письмо».

Рукопись «Писем» (она и сейчас хранится в ленинградской Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) содержит 74 листа. Она имеет следующий заголовок (крупно, с выносными буквами) — «Копии с одиннадцати писем от князя Кантемира, бывшего во Франции», далее в заглавии такими же буквами, что и основной текст: «писанных к одной тамошней же госпоже, об которой он нейменовал во оставшихся с тех своих к ней писем отпусках». Этот заголовок, как и подзаголовок, принадлежит явно не автору. Сделаны ли эти «копии» непосредственно с несохранившегося оригинала или с других копий («отпусков») — сказать трудно. Судя по бумаге и почерку, данная рукопись относится ко второй половине — концу XVIII в. Единственная деталь, которая может помочь восстановить историю рукописи, — это ясно видная помета в нижнем правом углу титульной страницы: Ф. Аргунов. Не имеет ли она отношение к Федору Леонтьевичу Аргунову (1716 — после 1767) — известному архитектору из талантливой семьи крепостных Аргуновых? Достаточно образованный человек, строитель Кускова под Москвой, он мог быть переписчиком или заказчиком рукописи [32].

В посмертной описи библиотеки Кантемира среди других печатных и рукописных произведений писателя «Письма» не значатся [33]. Впрочем, и некоторые другие произведения (например, сатира IX) были отысканы не сразу. Не имеет решающего значения и то, что произведение представлено как «письма». Как мы знаем,

[32] «Хозяин» Аргуновых П. Б. Шереметьев был женат (1743) на В. А. Черкасской, в свое время хорошо знакомой Кантемирам.

[33] *В. Н. Александренко.* К биографии А. Д. Кантемира. Варшава, 1896, стр. 15—46.

4.

КОПІИ,
СЪ ОДИННАЦАТИ ПИСЕМЪ; ОТЪ КНЯЗЯ КАНТЕМИРА: БЫВШАГО ВО ФРАНЦІИ

ПЕРВОЕ.

Первая страница рукописи «Писем» Кантемира

в XVIII в. «письма», «беседы», «диалоги» и т. д. —весьма распространенный литературный жанр. Можно указать, например, знаменитые «Письма о разных физических и философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе» Л. Эйлера, переведенные (в 3-х томах, 1768—1774) академиком С. Румовским. Конечно, такие «письма» вовсе не обязательно посылались адресату, да и адресат мог быть вымышленным.

Рукопись «Писем» из Публичной библиотеки, как оказалось, не единственная. Очевидно, «Письма» переписывались так же, как и другие труды Кантемира. В Центральном Государственном архиве литературы и искусства имеется второй список «Писем», сделанный, по-видимому, с первого в 1810 г., с замечаниями филолога и историка С. Г. Саларева. Еще один список, относящийся к 1852 г., удалось обнаружить в архиве академика Н. С. Тихонравова (Государственная библиотека им. В. И. Ленина). Но и данная рукопись основывается все на том же первом списке.

«Письма» содержат 11 глав («писем»), в них Кантемир развивает взгляд на бытие, физическую и нравственную природу человека. В последнее время, в поисках литературных истоков «Писем», их текст сопоставляется с сочинениями современных Кантемиру авторов — больше всего Фенелона [34]. Действительно, «Письма» содержат извлечения и переложения мест из этого автора (главы II—IX) — явление для XVIII в. обычное, но в целом они по замыслу не являются систематическим переводом какого-либо произведения.

Любопытные данные получаются при лингвистическом анализе «Писем». Сравним, например, лексику «Писем» с языковыми особенностями, свойственными остальным произведениям писателя. Вот что при этом обнаруживается. Для Кантемира примечательны способы обозначения понятия «предмет, объект». В «Разговорах» и примечаниях к сатирам, как помним, в этом смысле употребляется слово *вещь*, часто в сочетании с прилагательным *предлежащий* (*предлежащая вещь*) и другие выражения. В «Письмах» находим почти исключительно *вещь*, в некоторых (первых) главах — слова *прилог*, *приклад* в значении «предмет рассмотрения». Вместе с тем более

[34] Например: *M. Ehrard*. Lettres sur la nature et l'homme du prince Kantemir «Revue des études slaves», t. 34. Paris, 1957.

или менее постоянно, особенно начиная с VI «письма», используется слово *объект*, которое выступает здесь в значении «вещь, предмет». Например: «Ум, который непрестанно зрит бесконечность, постигает все *вещи*, предел и конец имущие, также бесконечно не видит все те *объекты*, которые его окружают» (VII). В других произведениях Кантемира слово *объект* не используется.

Другая характерная примета «Разговоров» и сатир Кантемира — слово *тварь* в собирательном естественнонаучном смысле «мир, вселенная»— синонимично словам *натура*, *естество*, *природа*. В «Письмах» слово *тварь* выступает соотносительно с глаголами *творить*, *создавать*. Например: «Цицерон сказал, что бог для того создал человека от прочей *твари* отменно...» (II). Здесь же оно часто употребляется в значении отдельного предмета и существа: «Не меньше бесконечности в малых тех *тварях* и вещах» (IV). Между тем в «Разговорах» слово *тварь* отличалось более четким естественнонаучным осмыслением.

Не встречается в «Письмах» и другое специфическое для остальных произведений Кантемира выражение — *мир повсемственный* в значении «вселенная, все вокруг». Само слово *мир*, по сравнению с «Разговорами» и примечаниями к сатирам, имеет в «Письмах» весьма малое распространение. В данном значении находим здесь *свет*, встречающееся в других сочинениях Кантемира, и *вселенная*, нигде более у него не принятое (хотя употребительное в языке XVIII в.). Например: «[Кто] строил первый состав света и сделал непрестанное движение во всей *вселенной*» (II).

«Письма» отличаются общим усложнением слога и языка, углублением отвлеченно-терминологического значения слов. Примером могут служить слова *конечный* («предельный, материальный»), *конечность*, *бесконечный* («непредметный, идеальный»), *бесконечность* в сочетаниях: образы *конечные* (VII), *бесконечные* действия ума (VI), образ, идея *бесконечности* (VII), познавая единство *бесконечно* (VIII) и др. В том же противопоставлении материального и нематериального (идеального) выступают *вещественный* — *невещественный*, *телесный* — *бестелесный*. В «Письмах» можно встретить такие фразы, тяготеющие к словоупотреблению середины XVIII в.: «Ежели так, то уму надлежит *вещественну* быти, но когда ум

вещественный и *бестелесен...*» (VI). Отсутствует в «Письмах» слово *средоточие*, введенное Кантемиром в «Разговорах». Сочетание *в обществе*, ранее употреблявшееся у Кантемира в характерном значении «вообще, в целом», в «Письмах» представлено в обычном прямом смысле.

В «Письмах» относительно много заимствований, которые нигде более у Кантемира не обнаруживаются — *гемисфера*, *деликатность*, *препорция*, *манер*, *субтильный*, *циркуляция*, *спекуляция* и др. Например: «Двигать ...особливым *манером* все части, из которых составлен будет *корпус* [тело]», VI; «Кто придает *резон* движению тому» (IV); «Философы, которые чрез свои пустые *спекуляции* потрясти хотели ясность» (VIII). Такого рода слова встречаются, правда, и в «Разговорах», но всюду они неизменно разъясняются и сопоставляются с собственно русскими выражениями. «Письма» совсем не имеют примечаний. Между тем именно в это время (1742) Кантемир старается максимально освободиться от иноязычных заимствований (как, например, в «Письмах Горация»).

Поэтому приходится в целом признать, что «Письма» отличаются по языку от остальных сочинений Кантемира. Прежде всего очевидно, что произведение не было готово или не готовилось для печати так, как остальные известные сочинения. «Письма» — более специальное научно-философское изложение автора, не предназначенное для широкого читателя и потому не обработанное, как в других случаях. «Письма», вероятно, создавались позже других произведений. К этому времени Кантемир как бы отходит от некоторых ранних терминологических приемов — вспомним, что «Разговоры» создавались за 12 лет до «Писем». Словоупотребление писателя, его языковая ориентация могли меняться. Нельзя отрицать также в «Письмах» возможности более поздних наслоений и редакций. Дальнейшее изучение «Писем» остается интересной задачей. Многое зависит от текстологических, историко-литературных разысканий и находок, которые могли бы пролить свет на обстоятельства создания и историю имеющейся рукописи «Писем».

* * *

Начав эту книжку словами Белинского, мы хотели бы закончить его же словами. Великий критик призывал по достоинству оценить в наследии Кантемира главное, что не стареет со временем,— яркость образов, острый юмор, высокие и благородные чувства. Конечно, многосложный силлабический стих с инверсированным порядком слов во времена Пушкина и Лермонтова неизбежно казался тяжелым. «Сатиры Кантемира нельзя читать без некоторого напряжения»,— предупреждал Белинский. Сейчас, на фоне всей последующей истории русской литературы, нам подчас трудно увидеть новаторство Антиоха Кантемира. Но вспомним, что, например, живая народная речь, зазвучавшая в его сатирах, для своего времени явилась невиданным новшеством. Ведь еще не было корифеев отечественной словесности, мощно развивших эти традиции. Поэтому с полным правом Кантемир занимает видное место в истории русской литературы и русского литературного языка.

СОДЕРЖАНИЕ